

Т а м а р а
Я Б Л О Н С К А Я

•
Вечные
предметы

Алетейя

1924

Тамара Яблонская
Вечные предметы
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49867786

*Вечные предметы:
ISBN 978-5-907189-34-8*

Аннотация

В предлагаемом читателю издании представлены поэзия и проза Тамары Яблонской (1947–2017), автора четырех прижизненных книг, члена Союза писателей Литвы. Тамара Яблонская была философом не только по своей базовой профессии, но и по мироощущению, недаром основное направление ее поэзии можно назвать философской лирикой. Автора волнуют вечные проблемы бытия и сознания, осмысленные и через конкретные бытовые реалии, и через экзистенциальные размышления и ситуации. Ее верлибры метафоричны и держатся на стержне смысла, выстраданного поэтом. Проза Тамары Яблонской открывает еще одну грань ее писательского таланта. Разнообразные по тематике рассказы населены персонажами, которые пытаются осмыслить свою судьбу и не потерять человеческого достоинства.

Содержание

Тернистый путь самопознания	13
Стихотворения	25
Вечные предметы	25
Вечные предметы	25
Голос	26
Границы времени	27
Вильнюсская история	27
Начало	28
Старые кладбища	29
Акция по ликвидации евреев	30
Наши улицы	31
У зеркала	31
Во дворе	32
Мораль	33
О любви	34
Двери	34
Источник простоты	35
«Не обращай к самодовольным...»	36
Утро	37
Девушки Прибалтики	37
О чтении	38
«Это не поэты придумывают...»	39
«Куда смотрят народы...»	39

Латиноамериканский штрих	40
Попытка бегства	41
«Этот парень вернулся с войны...»	42
Автобус	43
Предчувствие	44
«Амфоры кубки кувшины...»	44
«Что же нам остается...»	45
Вопросы	45
Камни	46
Сложение стихов	47
Далекие братья	48
Читая историю	48
Парусник	49
Сократ	50
Осень	51
Сибилла	52
Cogito, ergo sum	53
Перед рассветом	53
Деревья	54
Дорога	55
Фортуна	56
Гость	57
«Есть край двоеликих монет...»	58
Что если	58
Вещи	59
Мгновенье	60

Одиночество	60
На Пушкиновке	61
Подруги	62
Лишенные юмора	63
«Кто отрывается не от порога...»	63
«Лучше нас будут те...»	65
Диптих	65
Звезды	67
Перемены	68
Механики	68
Шлагбаум	69
«Говорю я вам...»	70
Родина	71
Слова	71
Воспитание готикой	72
Линия судьбы	73
Секреты творчества	74
Ночные труды	74
Окна	75
«Восхожу до собственных истин...»	76
«В беспокойном море предвзятых мнений...»	77
«Сначала – время умирать...»	78
В луче луны	79
Птицы	79
В потемках	80

Душа света	80
Мысль	81
Раскладки	82
Только ошибки	83
Комната	83
Трубы куранты	84
Дождливое лето	85
Иртыш	85
Визит	86
Север сырость мягкая натура	87
Охотник	88
Врачевание	88
Ссылка	90
Эталон	90
Воспоминания	91
Археология	92
Портрет	92
Белый камень	93
В Древнем Риме	94
Загадка Харона	94
Опыт	95
Новгород	96
Крепость	96
Река	97
Эльдорадо	97
Новое время	98

В долине	99
Путешествия эмигранта	100
Вечерняя прогулка	101
В краю дальнем	102
Сказание о гражданке Смирновой	102
Вести	103
И приходит осень	104
Пора	105
Выбор	105
Меланхолия	106
След	107
Угрызения совести	107
Вдох	108
Ноябрь	109
Действие в настоящем	109
Наши помыслы благородны но слабы	110
Уходы	111
День	112
Газеты	112
Путь	113
«Невозможно договориться с Шивой...»	114
Праведники	115
Речь	115
Решение	116
Страхи	116
С натуры	118

Варианты	118
Продвижение	119
Строка	120
Перемена погоды	120
Не услышу	121
Любовь	121
Город	122
Лоцманы	123
Несовпадение	124
«Под лучами ночных созвездий ...»	125
«Мои слова давно...»	125
Аналогия	126
Где наш дом	126
Земледелие	127
Бельмонт и другие пейзажи	129
В конце сентября	129
«Жаль, что не живу я...»	130
«Много настроено стен и домов...»	131
«Там под горой...»	132
«Перекатились по небу чугунные ядра...»	133
Вильнюсский акцент	134
«Деловито как речной трамвайчик...»	134
Бельмонт	135
Площадь	136
После работы	137
Музы	138

«Следопыт и бродяга...»	138
Снег в апреле	139
Большая улица	140
Вечерний дождь на Пушкиновке	141
У городской стены	142
Детство	143
Оттепель	144
Зал барокко	145
«Я прихожу на тот берег...»	145
«В ясный зимний день...»	146
В трамвае	147
Тракай	148
Башня	149
На набережной	150
Точка отсчета	151
Гнеть-Ю	151
Пастораль	152
На базаре	153
Буквы	154
Полицейская ода	155
«Вне и внутри застыла статика...»	156
Лук	156
Ухо	157
Богема	158
Штиль и дрейф	159
«Это зулусы подходили уходили...»	160

«В речке Шане Калужской губернии...»	160
«Дует ветер с Полотняного Завода...»	161
Малошуйка	162
Чаепитие	163
Письма	164
«Немного понимания...»	164
«Предпочитаю растительность...»	165
«Жизнь расписана...»	166
«Ни к чему возвращаться...»	167
«Затягивает мглой и облаками...»	168
Время мелочей	169
Перемена	169
Время мелочей	170
Тишина	171
«Давайте я вам все это взорву...»	172
Путешественник	173
«Под ногтями земля...»	174
Мост	175
«Настало время наивных лиц...»	175
Патруль	176
Брат	177
Друзья и враги	178
«В гуще полыни...»	179
День рождения	179
Санитары	181
«Мысли всегда наказуемы...»	182

Учитель	182
По эту сторону	184
Сад	185
Алкоголики	186
«У обреченных внутри тишина ожидания...»	187
Сон	187
Офицерское	188
Ночью	190
Цок	190
Птицелов	191
Колоратура	192
Шутка	193
Двадцать первое	193
Равель	194
Боец каратэ	195
Самолеты	196
Вступление в зиму	197
Голландский пейзаж	198
Перпетуум мобиле	199
«Жирный обед в готическом городе...»	200
«Хрупкая цепь сугробов и выюг...»	200
Закономерность	201
Общение	202
Колокола	203
«Ты хорошо потрудился...»	203

«Вот славный гегемон...»	204
Цапля	205
Провинциальная идиллия	206
Рисунок	207
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Т. Яблонская

Вечные предметы

Тернистый путь самопознания

В предлагаемой читателю книге представлены поэзия и проза Тамары Яблонской (21.05.1947—14.09.2017), незаурядной талантливой личности, обладавшей редким по своей манере художественным почерком.

Тамара Яблонская родилась и жила в Вильнюсе, окончила философский факультет Ленинградского университета, затем более сорока лет работала в Литовской национальной библиотеке, была автором изданных в Вильнюсе трех книг стихов и книги прозы, членом Союза писателей Литвы.

Романтический настрой, свойственный юности и усиленный у литературно одаренной натуры желанием приобрести нестандартный опыт, привели Тамару Яблонскую еще в старших классах школы в парашютный клуб, где ею были сделаны несколько десятков прыжков, а затем и на Север, на комсомольскую стройку под Воркутой, на которой она проработала год, одновременно сотрудничая в местной газете, где печатала репортажи и публиковала юношеские стихи, написанные еще в традиционной манере. Эти первые публикации и бесценный опыт, полученный в экстремальных условиях, по-

служили основой для восхождения по крутым ступеням литературы. Поэт быстро эволюционирует, ищет свой творческий путь и индивидуальный поэтический почерк. В результате этих поисков появляются стихи без рифмовки и знаков препинания, но в первой, вышедшей в 1990 году книге стихов «Вечные предметы» еще сохраняется заглавная буква в начале каждой строки, в дальнейшем и от этого поэт отказывается. Верлибры Тамары Яблонской полны ярких неожиданных метафор и держатся на стержне смысла, выстраданного поэтом.

Тамара Яблонская была философом не только по своей базовой профессии, но и по мироощущению, недаром основное направление ее поэзии можно назвать философской лирикой. Поэта волнуют вечные проблемы бытия и сознания, осмысленные и через конкретные бытовые реалии, и через экзистенциальные размышления и ситуации.

Уже в первой книге «Вечные предметы» поэт ищет во всем высший смысл и выражает свое творческое кредо.

«Есть вечные предметы / Звезды пространство
жизнь / И время неустанно стучащее в виски / Узнать
их недоступные тайны / Только это важно...»

«Кто идет один по минному полю / Тот любит в
жизни странные вещи /Твоя сладость в том чтобы
ошибаться и плакать /Отворачиваться от правил и не
переставая верить».

«Говори слова которые бьют / Пока душа еще
чувствует фальшь / Страдает от боли».

«Уйду из тонкого звона рифмы / По чистой воде
вверх по ручью/ Туда не любят ходить поэты /.../ Там
у ледяного истока / Просыплю песок языка сквозь
сито / У слов отмою забытый смысл / Когда соберу по
крупичам богатство / Легко переплавлю его в стихи /
.../ Мало забочусь о легкости / и уж совсем забываю об
изысканности / Выше всего ценю гармонию простоты».

Тамара Яблонская подчеркивает свою любовь к старине, и в том числе к готическому стилю, который она на протяжении всей жизни наблюдала в своем родном городе, и этот стиль был близок поэту не только эстетически, но и во многом определял мировосприятие:

«Нас воспитывает готика / Краснокирпичными
вертикалями / Парящими звуками органа / Все
стрельчатые башни / Возносятся к небу / Лишь
устремленностью духа /.../ Отсюда привычка в крови
против излишеств / Неприязнь к болтовне обжорству
вещам».

«...не жду вдохновения / Мешаю упрямую глину
слов / Ищу таинственный смысл».

Во второй книге «В луче Луны», вышедшей в 1993 году, поэта по-прежнему волнуют тайны творчества, самопознание и мир вокруг.

«Приходят друзья в жилище поэта / где на столе
забыта бумага/ с единственным словом /.../ каравай
времени огромен / пока его склюют / пройдет вечность /
и слово на бумаге истлеет».

«Тишину в моем доме /.../ застихотворило /.../ рука не может оторваться / от плавных строф / оживших надежд».

«Как ветер и волна / взаимодействуют в уме простые вещи / мы... расчлняем опыт...»

«Мысль /.../ милосердно прячется в тени /.../ но гонг сердца невозможно успокоить».

Поэт слушает «хоралы моря», продирается сквозь «заросли букв», берет «пьяные краски» и принимает «опиум ночи», постигает, что «вечность дирижер вселенной», есть «благородные, но слабые помыслы на тонких рахитичных ножках», «для времени / не существует спецхрана», «газеты шумят/как тучи мошкары», и признается, что «волнует /.../ постижение тайны».

«Я движусь в неизвестном направлении / говорю в пустоту /.../ я думаю иначе / и живу в стране / которой на карте нет».

Так больно и обидно, когда рассеивается мираж и мечта об Эльдорадо, которого с таким трудом «наконец достигли», оказывается обманом: «стоим потрясенные / видом пустыни». Однако Тамара Яблонская – философ-стоик, и она не сдается, несмотря ни на что:

«Еще далеко / надо пройти пустыню / догадливые запаслись водой / скупые тянут скарб и едят ночами / наивные угощают других / солнце регулярно всходит / на свою мучительную службу / а время стоит на месте /

и ворует у самых слабых / остатки надежды».

Но трудно выдержать «груз медленно зреющего смысла» и иметь мужество признать: «Пожинаю посеянное / посеяно было немного / почва оказывалась неподходящей».

В третьей книге «Бельмонт и другие пейзажи», изданной в 1997 году, Тамара Яблонская продолжает исследовать и свой внутренний мир, и окружающие реалии, во многом противостоящие ее душевному и духовному настрою.

«...природой создан / перепад высот / и бесталанность здесь успешно мирит / уют желаний / и отвагу размышлений».

Поэт любит «рыжей кожей осени» и боится провалиться в «бездонный колодец иллюзий», чтобы не поглотила «рыхлая руда довольства», ведь перед глазами «добровольные отказники / от собственной сути». И автор знает, что «память... стреляет без промаха / белыми ядрами боли», и следует регулярно «чистить ребра событий», чтобы потом была возможность «кутаться в бархат понимания».

«...здоровые обрубки / перенесшие без боли / ампутацию крыльев / точны как часы...»

«...мой покой колеблем / даже ветром звезд».

«Стаи птиц зовут в полет», но «путы» не дают улететь. Однако к поэту прилетают музы:

«...салятся на подоконники / склевывают сомнения и усталость / после их отлета / в воздухе тает печаль / и

время долго наполнено смыслом».

От «точки отсчета» автор измеряет всё «своим тайным масштабом» и «как усталый контрабандист» возвращается «к ней / с грузом сокровищ».

«...писать буквы / то же самое что искать путь /.../
то же самое что жить».

Последняя поэтическая книга «Время мелочей» (стихи 1997—2017), которую Тамара Яблонская готовила к печати, так и не была опубликована при жизни автора. Здесь уже зрелый поэт развивает свои главные темы и подводит итоги. Вот повторяющийся мотив об ощущении внутренней эмиграции:

«...я в эмиграции / я от самой себя / в условном удалении / и в поиске основы для опор / блуждаю по кругу / вокруг центра вселенной / в области сердца».

«Моя родина дом / которого нет».

И автор осознает свое значение – для тех, кто хочет и может услышать и понять:

«Кто строит амбар / кто строит собор / я выстраиваю эскорт / из снов и слов для тех / кто не боится / и торопится / успеть к самим себе».

Название последней стихотворной книги тоже выстрадано поэтом:

«...перехожу на низкие орбиты /.../ никаких возвышенных предметов / потому что это время

мелочей».

Вновь и вновь говорит автор о самом важном – о поисках смысла. Поэт пробирается «по зарослям здравого смысла/ который прорастает сквозь гранит» к истокам, к высшему смыслу бытия, и осознает, что это путь не для всех:

«...смысла ищут те / кто дерево с изгибом /кто
красиво поющая птица /кто ветерок поднимающий
рябь».

«Мысли всегда наказуемы / когда ни на чьи не
похожи».

«Я проникаю в темные глубины / где хранится
молчание».

Философский юмор помогает увидеть суть происходящего с неожиданной стороны:

«Разговоры излишни / когда есть тонкость интуиции
/.../ мы равны в том / что каждый серьезно делает
свое дело / но никто не скажет что похожи /.../ я у стола /
муха передо мной на стене».

Обостренное восприятие мира – в день рождения, у автора это двадцать первое число, и в этот день поэт больше всего ценит «склеивание осколков / просеивание воспоминаний» и идет «с удочкой в руке / над вязкой трясинной беспомыслия».

Поэт чувствует свое неизбывное одиночество, которое стойчески переносит, но сил остается всё меньше. И кажется даже, что воздух – «чаша горечи / которую следует выпить»,

совесть – «бессменный контролер у виска», а «самый страшный враг / чересчур близко / хрипло дышит / где-то внутри горла».

«... пустыня / в которой жалобно кричу /.../ если бы только рука / добрый взгляд /.../ но в пустыне лишь ветер».

«...по ту сторону взгляда / я одна /.../ посылаю без устали SOS /.../ с той стороны ответов не бывает».

«...осточертело / дышать воздухом обмана / питаться воздухом сплетен».

«...ем свою мистическую пищу с приправой яда / перевариваю собственную жизнь / а это голод».

Но философ-стоик не может сдаться без боя, преодолевает себя, ищет единомышленников сквозь время и пространство и обретает минуты радости...

«...в моей жизни всё решает / только дисциплина / и сильный кувырок вперед с разбега».

«...Спиноза / в тени проходящих эпох / вызывая припадки раздумий /.../ подрывает устои покоя».

«Это Равель / очищение жизни / в миг полного счастья».

В стихах Тамары Яблонской много географических названий, как вполне обычных, так и экзотических. Включенный в название третьей стихотворной книги топоним *Бельмонт* неоднократно встречается на географической карте (Belmont – это и деревня в Шотландии, и несколько амери-

канских городов). А странный топоним *Гнеть-Ю* (Гнетью) – на российском Севере, в республике Коми. В этом же ряду и *Малошуйка* (посёлок и одноимённая река в Архангельской области) – место, оставившее сильное впечатление в душе автора:

«В дебрях сердца точка / Малошуйка /.../ царица тайги / венчает душу светом /первобытного богатства».

Тамара Яблонская неоднократно упоминает в стихах свой родной и любимый город – это и река Виляя, и узнаваемые башня Гедемина («Башня»), костёл Святой Анны («Вильнюсский акцент»). И все-таки ее многое не устраивает в окружающей действительности, тяготит ощущение провинциальности. Поэт констатирует: «ни к чему возвращаться / в город из которого вырос...»

«...я живу... / в тусклой точке земного шара / и все время уязвляю свою душу /.../ и чтобы совсем не задохнуться / я отсюда часто улетаю».

«...вечерами когда стемнеет /.../ я стартую вытянув шею...»

И есть еще один город, оставивший особый след в душе Тамары Яблонской. Это город, где она училась в университете, ныне вновь названный Петербургом. Он неоднократно упоминается в ее стихах.

«...петербургское небо /... / развешивает спасительные / холсты туч / туго пеленает ими души /.../ уходить / становится нестрашно».

«По Летнему саду как морю / зеленоволному / плаваю в мыслях рассеянных /.../ гребу в русле памяти».

Опыт прыжков с парашютом также незабываем, и поэт тоскует по этим экстремальным впечатлениям, вспоминает «небо, дрожь перед полетом, высь, решимость». Главная забота автора – как вылечить болезнь, «которая уменьшает границы неба». А люди – это «живые грустные марионетки / машут руками неуютленно / забыв что это не крылья».

Тамару Яблонскую остро волновала тема Холокоста – Катастрофы еврейского народа, трагедии, которая оставила свой страшный след в истории ее родного города, когда в Понарах было уничтожено население «Литовского Иерусалима», как называли Вильнюс (Вильно) на протяжении нескольких столетий. *«Тучи хмурые как евреи в Понарах / бредут неспешно к роковому краю»*. Тема Холокоста не уходит со страниц ее поэтических книг, и ощущается боль и личная причастность автора к этой трагедии. Между тем Тамара Яблонская по материнской линии происходила из старинного польского рода Потоцких, а ее отец, русский с примесью польской крови, был инспектором и преподавателем православной духовной семинарии. Так что столь острая реакция на геноцид еврейского народа вызвана не биографией автора, а сверхчувствительностью к чужой боли, когда чужая боль становится своей. Об этой запредельной трагедии – «Вильнюсская история», «Акция по ликвидации евреев»,

«Ноябрь», «Гетто».

Проза Тамары Яблонской открывает еще одну грань ее писательского таланта. Разнообразные по тематике рассказы, в том числе и с автобиографическими сюжетами, составляют целую вселенную, населенную персонажами, которые пытаются осмыслить свою судьбу и не потерять человеческого достоинства. Это люди, побывавшие в «горячих точках» или работающие в суровых условиях, столкнувшиеся с загадочными, непонятными явлениями или попавшие в трагикомические ситуации, совершающие нестандартные поступки или просто в чем-то не похожие на других. Изображая некоторых своих героев в моменты тяжелых судьбоносных перемен, автор использует приобретенный в юности опыт преодоления, испытания себя в экстремальных условиях. Все сюжеты психологически достоверны, даже если читателя завораживают такие экзотические названия ближневосточных оазисов, как *Гхадамес* и *Эль-Файюм*.

Мастерство автора проявляется и в умении удерживать наше внимание от начала и до конца повествования. В ряде сюжетов явно прослеживается экзистенциальность ситуаций, в которые попадают герои рассказов, а суровая правда жизни пропущена через сострадание к людям, попавшим в жернова истории.

Жизнь Тамары Яблонской трагически оборвалась, и не все ее творческие замыслы осуществились, утрачена была

часть литературного архива, в том числе переводы из польской поэзии и воспоминания о Севере. В данном издании опубликованы основные произведения этого во многом уникального автора – Тамары Яблонской, творчество которой, без сомнения, обогатило современную русскую литературу.

Римма Запесоцкая

Стихотворения

Вечные предметы

Вечные предметы

Есть вечные предметы
Звезды пространство жизнь
И время неустанно стучащее в виски

Узнать их недоступные тайны
Только это важно
Думаю вечерами глядя на темное небо

Ночью становлюсь мудрее
В груди ощущаю холод Вселенной
Солидарность рода странную решимость

Потом голова клонится к подушке
Сквозь сон повторяю распорядок дня
Профсоюзное собрание магазин прачечная

Вечные предметы остаются в тени
Когда вечером запыхавшись

Прибегаю к ним из суеты
Только одна мысль не дает покоя

Почему другие могли жить иначе

Голос

Вот он вырывается на волю
Еще неуверенный
И от смущения хриплый
Точный слепок с изгибов горла и связок
Атрибут сокровенного Я

Вот он скандирует с неистовым упоением
Слова пришедшие к нему извне

Гудит очарованно в колоколе рта
Совсем забывая тихий пульс крови
Забывая протяжность шума артерий
Предпочитая краткость и металлический тембр

Но когда с моря задует настоящий ветер
Он опомнится и станет говорить тише
Улиткой сползет в расщелину горла
Замолчит будет глотать капельки соли
Тосковать о зное публичных выступлений

Границы времени

Когда перевалит за двадцать
Совершаешь главную ошибку

Душу наполняют мечты и надежды
Сомнениям негде поселиться
А жаль
Для страховки это лучшее средство

Ты думаешь время растяжимо
И паришь в нем с улыбкой
Пока взгляд не упадет на стоптанные башмаки
Сморщенные руки
Неизвестно когда выросший живот

Увидев себя в клетке реалий
Начинаешь метаться искать на ощупь выход
Но всякий раз лишь больно ударяешься
О жесткие рамы отпущенного времени

Вильнюсская история

На Рудницкой или Стекольной
Жил еврей с грустными глазами

Он рано вставал
Спеша сесть за работу
Оживлять сердца молчаливых часов

Заботливо придвигал горячую чашку
Медлительному старшему сыну
«Берке тринк како»

Он покупал цветные карандаши
Маленькому выдумщику Мотэлэ
Он мечтал что дети вырастут хорошими людьми

Когда их поставили на краю ямы
Первая пуля скосила ленивца Берке
Стреляли еще но Мотэлэ вдруг побежал

Он бежал среди сосен по снегу до самой темноты
Пока ночная метель не замела отцу взгляд

Начало

Когда русская революция
Опалив бороду оглушенной Европе
Разметала октябрьские красные листья
В захудалом пустом городишке
Сидел на завалинке мальчик

И терпеливо стучал топориком
Не имея понятия о великих событиях
Он поглядывал вокруг лукаво
И решительно поднимал топорик
Примеряясь к строительству нового мира

Старые кладбища

Старые кладбища
Нас не располагают к прогулкам
Тишина запустения
Лежит на кустах и траве

У нас иные маршруты
Другие дела важнее
Где уж тут наносить визиты
Подгнивающим ветхим крестам

Но если говорить о памяти
Упрятанной под вековые плиты
Это она освещает нам лица
Когда зажигаем сырые свечи
Раз в год на осенних могилах

Акция по ликвидации евреев

Желтые звезды сгорают над городом

Шабес

Новое небо

Суббота полная новых надежд

Те кто смог раздобыть немного фасоли

Держат в печке густой дымящийся суп

Дети приникли к окну

Смотрят в пустынные стекла

Взрослые

Души свои окрыляют молитвой

Как весенняя льдинка для них уменьшается время

Ровно в десять урчит грузовик

Мгновенья сгорают безмолвно

Когда застучат в эту дверь

Грузовик будет тесен и мал

А соседа из дома напротив

Ужалит свинцовая муха

Наши улицы

С неровным булыжником
Выщербленным тротуаром
Темными подворотнями
Наши улицы прекрасны

Они провожают нас
Когда нерешительно уходим
В глухую тень неудач
Куда свет фонаря не достигает

Они ободряют нас
Когда ни во что уже не верим
Даже в силу добра
А тем более в обреченность зла

Изумляя своими изгибами
Они ведут нас по пути усложнения
Как мы должны им быть благодарны
За то что умеем ходить

У зеркала

Сажусь иногда у зеркала

Угадываю в лице сходство
С кем-нибудь из ушедших
С кем-нибудь из живущих

Закована в узкий профиль
Мучительная всеобщность
Всеобщих нервных жесты
Смятение глаз и волос
Но в линиях лба и носа
Ни на что не похожий рисунок
Противоречие с ним подбородка
Единственный важный знак

В нем незавершенность спора
Раздумий и ощущений
Царапает острой гранью
Следы на моей судьбе

Во дворе

Во дворе под березой играли котята
Мы смеялись глядя на них

Когда стемнело из дома вышел сосед
Подсунул в миску мясо с крысиным ядом

Они все передохли

корчась от мук
волоча кишки по двору за собой

Сосед ходит и улыбается
Ему кажется что он победил

Когда темнеет я начинаю плохо видеть
Фигура соседа дрожит на мушке прицела

Мораль

Для многих мораль словно парк
С чистыми аллеями
Прополотыми клумбами
Гулять одно удовольствие

Для меня это дикий лес
Увитый лианами сомнений
К каждому решению
Продираюсь сквозь дебри
Теряю силы обретаю опыт

Иногда думаю зачем это нужно
Ведь можно жить гораздо приятней
Но как войти в клан гедонистов
Со следами царапин на коже
С пустыми руками аскета

О любви

О любви не скажу ничего нового
Бесшумно кружит над сердцами избранных

Она приходит сразу как солнечный луч
И долго тает как лунный свет

Двери

Эти двери всегда закрыты
Для тебя для меня для нас
Но существует умелец
Который легко в них входит

Он только протягивает руку
И они его пропускают

Кто он
Что его так отличает
От тебя от меня от нас

В нем нет ничего выдающегося
Он сер он тих незаметен

Вглядишься и сейчас он здесь
Но ты его не увидишь

В отличие от тебя
Он ни к чему не стремится
В отличие от меня
Ни от чего не страдает
В отличие от нас
Он всегда около мимо над

И эти большие двери
Отделанные со вкусом
В них нет ничего лишнего
Послушно открываются перед ним
Неуклонно захлопываются перед нами

Источник простоты

Помечтаем об источнике простоты
Перестанем играть в кого-то начнем в себя
Поплюем на ладони вздохнем и возьмемся за дело
Будем рыть колодцы колодцы колодцы

На пути к источнику простоты
Узнаем облик истин и жгучесть мозолей
Отыщем свой заповедный пласт
Если будем копать глубоко и зло

Не забудем источника простоты
Ни у сладких ни у соленых вод
Куда ни забросит судьба и случай
Вернемся к нему хоть тайком ночами

«Не обращай к самодовольным...»

Не обращай к самодовольным
Не давай им в руки
Ни статистических справочников
Ни ветхих листочков старинных трудов
Они ничего не поймут

Инкунабулы с медленной вязью
С орнаментом буйной листвы
Черные знаки и цифры
Не для них
Самодовольные самодостаточны
Не нуждаются в подпорках
Своему спокойному духу
Потому что не знают тревоги

Будь мудр не вступай с ними в споры
Не ройся в страницах авторитетов
Услышав шелест бумаги
Они уже знают что это всего лишь мышь

Утро

Утро приносит подарки природы
Зажигает нам огненные горизонты
После тяжких бессонниц
Дарует туманы и росы
И нас неизменно прощает

Но существо его в том
Что оно рождает надежду

Девушки Прибалтики

Прибалтийские девушки
Похожи на сосны
Загорелая кожа тяжелых тел
Напоминает цветом кору

Сильные стволы ног
Поднимают цветущее туловище
Волосы пушисты
Как молодая хвоя

Нет в них изящества

Пальцы ювелиров отдыхали
Когда их тесали из мягкого дерева
Неловкие топоры крестьян

Поэтому в любое время года
В них пышет тепло нагретой земли
Томится в безмятежных глазах
Спелая прозрачность янтаря

О чтении

Возьмешь в руки тоненькую книжечку
Где слова взвешены
Отчеканены фразы
И золотой нитью неспешно
Вьется по страницам мудрая мысль

Весь вечер будешь наслаждаться
Благородной искусностью автора
Забыв про пустой желудок
Не замечая холода в доме
Радуюсь что мир прекрасен и так интересно жить

Потом загремит магнитофон соседа
Дети-варвары разобьют за окном фонарь
Ты увидишь что ужин давно остыл
Но не это тебя рассердит

А то что снова кому-то ловко
В который раз удалось провести тебя

«Это не поэты придумывают...»

Это не поэты придумывают
Чьи песни печатать чьи не печатать
Чьи слова читать чьи не читать

Это не зодчие придумывают
Какие дворцы сносить
Какие стадионы строить

Это не художники придумывают
Чьи краски плохи чьи хороши
В чем красоты больше в чем ее меньше на грамм

И уж только не боги придумывают
Кому в полночь радоваться кому курить на рассвете
Кому жить кому умирать

«Куда смотрят народы...»

Куда смотрят народы
Когда начинаются войны

В экраны телевизоров
В кошельки
В кастрюли
В лица вождей и пророков

Никто не смотрит вперед

Когда войны кончаются

Выступают на митингах
Громко клянутся
Строят
И смотрят в прицелы

Никто не смотрит назад

Латиноамериканский штрих

Качается остров посреди океана
Не знает штилей не помнит отливов
Тонкие пальмы молят небо о солнце
Перед стеной лиловых тайфунов

В президентском дворце тишина
Вперемешку с тревогой
В нем кто-то смотрит в щелку жалюзи

Читает слова транспарантов

В воскресные дни он тих и спокоен
Любит устриц скорость Мерседес-Бенца
Пока шофер выбирается из клубка улиц
Лениво играет марионеткой

Попытка бегства

Я пыталась убежать в рай
Но меня остановили на границе
Схватили за плечи больно и грубо
Глупые сомнения и врождённая робость

Что тебе там шептали на ухо
Подумаешь лето подумаешь блаженство
Для тебя ли розовые рассветы
Сонный покой и гармония неба

Кто идет один по минному полю
Тот любит в жизни странные вещи
Твоя сладость в том чтобы ошибаться и плакать
Отворачиваться от правил и не переставая верить

«Этот парень вернулся с войны...»

Этот парень вернулся с войны

Когда мы поем любимые песни

Он молчит

Смотрит на струны гитары

Но слышит только себя

Нет ему дела до песен

Он в колодце

Он на далекой вершине

Стоит поехать на юг к теплому морю

Скучен и отдых и пляжный песок

Но нет только не в горы

Он не грустит

Не думает не тоскует

Он сразу откликается на имя

Когда волны взрываются рядом

Рассыпаясь на тысячу брызгов

Он дремлет спокойно на пляже

Лишь руки скользят по ремням парашюта
В последний раз ощупывают замки карабинов

Автобус

Туристский автобус
Кунсткамера на колесах
Возит наши тела
Озабоченные культурой
Замороченных серпантинном
Довезет нас до горного храма
До самого главного места
Хоть до Эгейского моря

Комфортабельный
Почти без запаха бензина
На остановках терпеливо ждет груза
Который стоит
Оглупев от восторга
Дивясь кладке мозаике лепке
Наизусть изучив
Прейскурант исторических тайн

Преемники ясного дня
Не верим насупленным предкам
Всё перетряхиваем наследство
Боимся чтобы нас не обманули

Надеемся на новые находки

Предчувствие

Потом на луга светляком опустится осень
Печальное золото успокоенья рассеет по душам

В его тихих лучах мы сможем греть руки
Читать мелкие буквы трактата о небесных телах

Отказавшись от пищи старых привычек
Станем питаться изысканными плодами

Пальцы узнают сладчайшую мягкость бумаги
Увидят глаза вдали ослепительный свет

«Амфоры кубки кувшины...»

Амфоры кубки кувшины
Сосуды из серебра бронзы и глины
Ищу среди них самый ёмкий и скромный

Подарю его дальнему другу
Наполнив до верха молчаньем
Бесценной субстанцией пониманья

«Что же нам остается...»

Что же нам остается
Вытирать известковую пыль с портретов
Очищать замшелые плиты
Ночами стеречь пантеон

Давно ушли в никуда пропилеи
Рухнули от времени триумфальные арки
Разбились победные кубки
Никто не знает где растет благородный лавр

Но для кого-то еще горят в небесах
Иероглифы тусклых созвездий
И светят из тьмы на узкие тропы
Сигнальные костры маяки скитальцев

Вопросы

Протяни мне руку звонкая Сафо
Помоги ответить на горькие вопросы
Не о любви Ты знаешь многое другое
Скажи зачем нам столько ошибок

Вот среди разных линий одна прямая
Хорошо подготовься и шагай не споткнувшись
Но почему каждый путь оказывается лабиринтом
Плутаем себя отыскать не можем

Ты должна знать молчаливая Гипатия
Не о логике Спрашиваю о наших чувствах
Кажутся нам долговечнее звезд
И раньше всего другого сгорают

Петух лишь готовится петь на рассвете
А мы уже предаем Почему
Всегда убиваем только самых любимых
Под светом звезд электрических ламп

Камни

Душа собрание редких камней
Где стынут не нашедшие отзвука чувства
Надгробья несовершенных поступков
Валуны отчаянья с трещинами сожалений

Надо бы войти осветить профили
Дать экспонатам побольше света
Чтобы на опыте прошлых ошибок
Хоть чему-нибудь научиться

Для этого пришлось бы поработать
Поворочать неприступные мертвые глыбы
Очистить вход разнести завалы привычек
Тяжелое и скучное дело

Откладываю его на потом
Вообще-то рассчитываю на чужую помощь
Быть может когда-нибудь встречу Сизифа
Уже привычного к подобному труду

Сложение стихов

На сыром песке наступает обновленье
К этому толкает беспокойство моря
Душа едва прикрытая кожей
Внезапно вздыхает в унисон с миром

Результат рождение странных песен
С секретом гармонии самой природы
Возникших из волн из пульса крови
Из воздуха насыщенного солями

Осторожно увозишь в глубь континента
Творенье достойное Анакреона
Но вдали в нем живут одни завыванья
Тоскливых звуков Эоловых арф

Далекие братья

Те одинокие сильные духом
И те одинокие сильные сердцем
Они веками толпятся
В памяти нашей архивах

Мои далекие братья
Носители беспокойства
Сгорели на странных кострах
Пали от разных мечей

Не сказать им
Что были правы
Не обнадежить
Что иду за ними

Следующим летом перекопаю картофельное поле
Выращу алые розы и положу на воду
Может быть донесет до реки впадающей в Лету

Читая историю

У Тацита у Геродота
Сквозь толщу подробностей

С трудом просвечивает
Суть истории
Втиснутой в ворох
Закономерностей

После долгого чтения
В череде потускневших имен
Всплывает лицо человека
На фоне предательств обманов и войн
Дипломатических фокусов

Оно ничего не выражает
Смотрит спокойно
Похоже на мумию
Поэтому неясно
Как мы догадываемся
О горькой его судьбе
Из чего заключаем

Он хотел сделать больше
Но не смог одолеть событий

Парусник

По гладкой поверхности моря
Плывет белоперая птица

Мелькает на разных широтах
Вместе с ветром меняя галс

Посвистывают боцманские дудки
Оглушительно хлопает парус на фокс
Молодой мечательный юнга
Вздрагивает при сладком слове абордаж

Что он вспомнит утром в бескрайних водах
Когда звезды утонут в темных глубинах
Только не пожар на горизонте
Не скользкие трапы не страх не руки в липкой крови

Сократ

Преисполнены ненависти
Жители Афин
Сполна рассчитались с Сократом

Он и не подозревал
Выпивая спокойно цикуту
Что враги крикуны и глупцы
После смерти
Его не забудут

Преисполнены любовью
Для славы Афин

Ничего не пожалеют

Поставят посреди города
Золотую статую
Откупятся от любопытства
Будущих моралистов

Осень

Воцаряется сонная роскошь деревьев
Блеск дорогих металлов заселяет лужи и стекла

Наплывает с севера тревога на сердце
И время больно ранит протекая сквозь пальцы

Ко всему равнодушна слепая растительность
Играет пышный бал перед своим уходом

Вот он парад красок нажитых богатств
Но на этой палитре не вижу главной

Единственной краски хмурой реальности
Всеми назначающей истинную цену

Сибилла

Засыхают оливы
По ночам не летают совы

Сибилла сидит у ручья
Мнет в руке белый песок
Внимательно смотрит в небо

Отступила былая мудрость
Перед шумом военной славы

Сибилла сидит у ручья
В бегущей воде читает
Изменчивую книгу времен

Музыка победных барабанов
Неуклонно заглушает плеск воды

Сибилла сидит у ручья
Не роняет вещей прорицаний
Но не потому что не знает

Еще не взошла луна

Cogito, ergo sum

Если кто и был врагом славы то это он
Хотя и желал все изменить
Ибо ничего не принимал на веру

Переезжая в расхлябанной повозке
Из Франции в Голландию или в тихую Швецию
Он смотрел на бег облаков
И грустил о беге времени

В погожие дни методично крушил авторитеты
По ночам ворочался вздыхал оттого
Что в мире нет ничего стойкого
Не на что опереться не к чему прислониться

Прошли века словно облака гонимые ветром иллюзий
На высоких каменистых тропах я ищу следы
картезианцев
Никто здесь не ходит шумят только птичьи базары

Перед рассветом

Мрак и пыль на столетьях
Ветер

Тени на стенах витают
В это время при тусклых свечах
Керосиновых лампах
Лучинах
Неотрывно читают
Строки Пимена строки Иова
Заклятую боль
Житие Аввакума
Человека большого как Русь
Пробиваясь сквозь время
Упрямо лелеют
Тепло правой десницы
В любом деле правой
Поднимаясь над крышей
На крепнущих крыльях
Уже видят
Конец злоклучений
Ободренные
Души спасают от порчи
Молчаливые сильные
Смотрят с надеждой
На розовый гребень восхода

Деревья

Кажется эти деревья
Старые липы и клены

Стоят здесь вечно

В своем движении
По заданным спиральям
Мы их не задеваем
Не понимаем

Если бы они умели говорить
То рассказали бы много интересного
О событиях прошелестевших мимо

Открыли бы то
Что нам до сих пор неизвестно
Обнародовали бы то
О чем хотим умолчать

Дорога

Мы
Только дорога
Ляжем в сухие колючие травы
Белыми камнями
Что может быть в темноте
Лучше этой приметы
Завтра не будет здесь бездорожья
По каменным вехам
Смогут другие дойти до конца

Куда мы не смогли
А так долго стремились

Фортуна

Всем богам предпочитаю Фортуну
Безрассудную в выборе
Но неподкупную

Встречаясь с ней на многолюдных перекрестках
Ловлю ее неудержимую улыбку
Отсвет неба в горячих глазах

Когда она стремительно проходит мимо
Все долго оглядываются
Каждый думает
Так вот как выглядит настоящее счастье

Она идет
Не обращая внимания на встречных
Скромно опускающих под ее взглядом ресницы

Она летит
Хохоча над скопидомами
Прячущими в раковины ушей
Шелест крыл и ее платья

А я запоминаю путь
Которым она ходит

Гость

Когда-нибудь он войдет в эту дверь
Черный молчаливый
В мрачном одеянии монаха
Подпоясанный веревкой
Похожий на Джордано Бруно
Или кого-то еще
С горькой усмешкой
Готовности и пониманья
С профилем словно
Усталый герой
Кампанелла
Кто-то войдет в эту дверь
Потрясет за плечо если спишь
Скажет теперь твой черед
Тебе восходить на костер
Терпеть униженья и пытки
Стирать тяжелые слезы с лица
Даже если он ошибется
Постучит не к тебе а к соседу
Все равно будешь знать что к тебе
Даже если тебя не застанет
Все равно будешь знать что он был

Потому что давно его ждешь

«Есть край двоеликих монет...»

Есть край двоеликих монет
Левых и правых притоков
Розовых праведников черных грешников
Крика и шепота
Там не говорят вполголоса
Не судят в полмеры
Бдительные
Там нас сразу раскусят
И вынесут приговор смерть
За индифферентность

Что если

Что если поселюсь у озера
У берегов Уолдена или Севана
Стану питаться орехами и рыбой
Жить плодами рук и ума
Начну с того что буду тесать
Корявые бревна для дома
И свои шершавые мысли

Что ждет меня потом знаю
Молчание тех кто и сейчас против
Труднее всего от них оторваться
Переплыть утром на другой берег
Не оглядываясь пойти туда
Где за деревьями уже светает

Вещи

Среди тех кто мечтает
О дивных высотах
Посвисте крыльев
Резком вкусе паренья
Есть и такие
Что не взлетят никогда

Их взгляды укорочены
Думой о сегодняшнем
Тела отягощены
Грузом счетов и вещей

Вещи вещи
Всесильная сущность
У них есть особенность
По ночам
Надгрызают перья
На розовых крыльях

И нежные робкие души
Утром не могут лететь

Мгновенье

Остановимся отдышимся
От забот от обид от ошибок
Посреди бесконечного марафона
В сутолоке улиц и дней
Пусть кто-нибудь подойдет
Пусть скажет что завтра будет иначе
Поспешно вытрем слезы охотно поверим

Неважно что это продлится мгновенье

Одиночество

Одиночество странная штука
Неприятная как после дождя одежда
Привычная как наша вторая кожа
Мы всё хотим ее сбросить
И предстать неизвестно кем

Но отвергнутое одиночество
Мстит изменившему телу

И вот мы все как есть
Фальшивомонетчики духа

Соединяем несоединимое
Чеканим монеты иллюзий
И пожаром чувств упрямо и глупо
Всю жизнь поджигаем холод рассудка

На Пушкиновке

Когда над домом шумят зимние дубы
А в изразцовой печи гостиной резвится огонь

Хочется лишь смотреть на старые вещи
Словно они единственная разгадка

Или на этот скрипучий паркет
Помнящий порывистые шаги

Хотя его нога здесь никогда не ступала
И руки не открывали белых дверей

Потом спускаясь по снегу в город
С тревогой долго ищешь напрасно

Маленькую вещицу с затейливой вязью
Ключ от шкатулки с субстратом гениальности

Который тебе незаметно от сторожа
Удалось опустить в карман пальто

Подруги

В тиши пирамид современных домов
На закате
Сидят на скамейке
Склонив головы друг к другу
Священные кошки
Лениво покачивают ногами
Шевелят руками
Таинственно пересказывают
События
Имевшие место всегда
Проходящие мимо парни
С большими ладонями
В карманах кожаных курток
Смотрят пристально им в глаза
Ожидая с тревогой
Короткого всплеска
Голубого сцепления взглядов
Зубки кошек маняще блестят
Золотится от солнечной пыли их кожа
И в зорких холодных зрачках
Дрожат силуэты загадок

Лишенные юмора

Хуже всего ходить в кабинеты
Где сидят лишенные юмора

Не поверят ни одному твоему слову
Даже если начнешь не с анекдота
А с предметов им более понятных

Светлыми глазами будут смотреть с Олимпа
Терпеливо ждать когда наконец кончишь

Даже если откроешь им неизвестные тайны
Выстроишь захватывающие дух перспективы

Будут слышать только знакомую мелодию
Одну-единственную песню дятла
Всегда исполняемую карандашом по столу

«Кто отрывается не от порога...»

Кто отрывается не от порога
А от почвы
Становится кем-то вроде уroda

Он разрушает созвучие мира
Он забыл тропинки
Далеких предков
Он вступил в другое relation
Там счет идет
Не на мгновения и годы
Не на сигналы опасности или пищи
Сухо щелкают стрелки приборов
Высекают
Статистическую вероятность
В которой нет места
Ни звериному крику
Ни жалобам филина в полночь
Незачем волноваться
По поводу темного леса
По поводу страха в горах
Ни вообще
По какому-либо поводу
«Волнение нерационально»
Бесстрастно заявит машина
Перед лицом железного факта
Заставит склониться
Присесть на задние лапы
Идти туда где никого
Никого уже нет

«Лучше нас будут те...»

Лучше нас будут те
Что смогут сказать всё

Что не захотят ссылаться
На здоровье некомпетентность
Старые грехи папу в номенклатуре

Закаленные бодрые
Ненавистники авторитетов
Они посмеются вслед нам
Добровольно втоптавшим себя
В чью-то тень

Диптих

I

Уйду из тонкого звона рифмы
По чистой воде вверх по ручью
Туда не любят ходить поэты
Тропа далека

Слишком вода холодна

Там у ледяного истока
Просыплю песок языка сквозь сито
У слов отмою забытый смысл
Когда соберу по крупицам богатство
Легко переплавлю его в стихи

II

Чечь трудолюбивым поэтам
Тем кто не устает
Выпиливать лобзиком
Прихотливые завитушки рифм
Кто выстраивает терпеливо
Остроумные конструкции строф
Достойные восхищенья

Я не знаю их тонкого искусства
Сбиваю гвоздями плоские доски фраз
Подгоняю слова плотно друг к другу
Стараясь чтоб были добротны
Мало забочусь о легкости
И уж совсем забываю об изысканности
Выше всего ценю гармонию простоты

Звезды

Звезды всегда на месте
Исполняют свое назначенье
Светят
Неподвижно взирают на Землю

Если люди их замечают
Открывают глаза пошире
Удивляются
Благоговеют

Астрономы решают загадки
Уставившись в телескопы
Дерзают
Считают парсеки

Но у них ослепленных свеченьем
Невозможно
Принятие чувств
За основу научных расчетов

И никто не способен сказать
Почему
Этот вечный источник покоя
Сильнее всего нас волнует

Перемены

Ничего не бойся
Сказала я открыв свежую газету
Вот и они стали думать
Так же как ты

Всё повернулось
Лицом к себе обернулось
История человечности
Совершила новый виток

Мы входим в открытую дверь
Забудем вчерашние страхи
Теперь все пойдет по-другому
На белом снегу больше нет кровавых следов

Механики

Сидят в кабинетах солидные люди
Наслаждаются тонко своей маленькой властью

Вечерами выходят садятся в автомобили
Если нет дождя то идут пешком

Неспешно бросают спокойные взгляды
Не удивляясь никому и ничему

Им ведом извечный порядок мира
Они твердо знают его законы

Не те что открыты Ньютоном и Кантом
Не те что принес порыв революций

Они создали для себя сами
Полезную науку управления жизнью

Закреть этот вентиль отпустить тот маленький винтик
Тонкая работа в руках ловких механиков

Шлагбаум

Нерешительно переминаясь
Стоим перед полосатым шлагбаумом
Его медленно поднимают
Выпуская нас на волю
Где все можно
Мы идем и не верим
И минуя шлагбаум не смотрим вверх
Иначе бы увидели что он завис
Почти над нашими головами
И тот кто повыше

Под ним уже не пройдет

«Говорю я вам...»

Говорю я вам
Одномоментные блески
Локомотивы тяжелого рока
Раскрепощенные телом растенья
Металлисты и сатанисты

Ваше время закаты
Час сумерек
И наступление тьмы

Когда на заре объявляют ваш рейс
Где вы птахи ночные
Из породы вегетативных
Хотя и покрыты шипами

Под напульсником
Кровь бормочет хитро
Что одним
В ночи микрофоны
А другим
Восходы тюменская топь душманская пуля

Родина

Это вовсе не то понятие
Которое громко и часто повторяют
О котором поют красивые песни

О нем не говорят с друзьями
Не кричат с торжественной трибуны
Не плачут за горькой рюмкой

Это то что рядом
И ни на что не похоже
В чем ты
И что только в тебе

Та земля кусочек которой
Уезжая прячут смущенно в тряпицу
С которой не расстанутся

Слова

Ничто так не дешево как слова
Ничто так не лживо
Их подменяют крадут продают
За них убивают

Ничто так не истинно как слова
Ничто так не дорого
За них не жаль и собственной крови
Но бывает иначе

Выплюнь тягучую сладость из горла
Говори слова которые бьют
Пока душа еще чувствует фальшь
Страдает от боли

Воспитание готикой

Нас воспитывает готика
Краснокирпичными вертикалями
Палящими звуками органа

Все стрельчатые башни
Возносятся к небу
Лишь устремленностью духа
Это мы уяснили себе еще в детстве
Отсюда привычка в крови против излишеств
Неприязнь к болтовне обжорству вещам
Наши худые фигуры
Дополнение узеньких улиц
Усеченных готической аркой
Ищем причины вещей

Следствия разных времен

Аскеты средневековья

Понимают нас с полуслова

Втискивают в руки пыльные фолианты

По ночам искушают

Скрипом засовов и звоном ключей

Ведут в темноте по следу запертых тайн

Линия судьбы

Отыскиваю на ощупь линию судьбы

Иногда теряю неясный след

Возвращаюсь и начинаю все снова

Ориентируюсь по звездам

И еще по тем великанам

Которых заметишь в любой массе людей

Тоже мне кивают в спину

По нашим дорогам

Хочет пройти в котурнах

Не боюсь насмешек но думаю что будет

Когда кончится время животворных дождей

И высохнут реки из которых пью

Секреты творчества

В долгих турнирах с белым листом
Неизменно оказываюсь побежденной

Может быть плохо владею оружием
Или солнце слепит глаза
Когда собираюсь нанести решающий удар
А может ошибка в том
Что не ищу поэтических предметов
Ясных пейзажей птиц и прочей красоты

Также не жду вдохновения
Мешаю упрямую глину слов
Ищу таинственный смысл

Пусть меня выведут на дорогу
С расставленными указателями
Может быть сумею шагать по ней

Если только вдали не откроется
Нехоженная тропа в незнакомом поле

Ночные труды

В темноте по ту сторону окон
Барражируют мудрые совы
Раскинув бесшумные крылья
Летучие мыши
Срываются с гнезд в слепые полеты
Деревья и звезды
Статичные формы покоя
Молчат в полусне медитаций
Идет время таинств
И мысли кипят
Вгрызаясь в загадки
И путь к совершенству
Уже не блестит однозначно
Когда побеждая рутину привычек усталость
Гребем по ночам к каллиграфии слов
Кристаллической точности формул

Окна

За стеклянной броней окон
Уже нет горшков с геранью
Пахнувшей пряно и сладко
Нет больше ковров по стенам
С выцветшими лагунами
Пугливыми ланями

Можно подумать

Что там поселились другие
Такие что любят простор

А эти унылые
Может быть умерли
Может быть вывезены за город
В пределы дымящейся свалки

Все здесь другое
И время и люди
Владельцы тех окон
Обитатели новых миров

Когда из-за праздничных стекол
Ловлю безмятежный от сытости взгляд
Я думаю мне показалось

«Восхожу до собственных истин...»

Восхожу до собственных истин
Путем крутым и надежным
Ценой ошибок невзгод
Обидных падений

Избегаю всего что может
Столкнуть меня в пропасть
Похвал и полезных знакомств

Исходных расчетов

Волочу за собой
Тяжелое бремя
Корявую память
Свою и еще неизвестно чью

Перед каждым привалом
Клянусь что оставляю
Окаянную ношу
Ведь бывает – бросают
И сразу взлетают наверх

Но это сплетенье корней
Уже проросло мою кожу
Болят нестерпимо
И кажется
Будет цвести

«В беспокойном море предвзятых мнений...»

В беспокойном море предвзятых мнений
Совесьь одинокая шаткая платформа
Изо всех сил упираюсь в нее ногами
Чтобы не смыло за борт

Во время репетиции локального потопа

Если хватит сил устоять перед волнами
Безжалостно гнущими даже стальные балки
В непроглядных глубинах души
Ясность настанет
Замолчит наконец взыскательное сердце

«Сначала – время умирать...»

Сначала – время умирать
А после – жить

Со страхом в бой готовишься кровавый
Где может быть тебе и повезет
Останешься в живых и даже память
Не сохранит воспоминаний об утратах

Потом любовь и сладость мирной жизни
Растут стихи на цветниках надежд

И только медь оркестров духовых
Твердит нам свой репертуар тревожный
Не делая различий для времен

В луче луны

Птицы

В многоголосье леса
только ранние птицы поют иначе

те что на рассвете выпивают
гремучие росы
морозным воздухом
полощут себе горло
и ищут глазами в небе
свежий розовый след

они в хор не годятся
не потому что портили бы ноты

там требуется одинаковость
а эти глядят по-другому
поворачивают головы
слишком гордо
и повторяют только те мотивы
которые придумывают сами

В потемках

И земля и горы и звездное небо
ничего не сообщают
и подросток душа
прокладывает тропы
в потемках тревоги
смутно волнуясь
от предстоящих открытий
детскими руками
строит лестницы для подъема
тренируется на низких скалах
а рядом
варит свой бульон природа
в котле моря

Душа света

Под абажуром в лампе
живет душа света

мелькает след ее
в фотонах
в блеске вымытых стекол
в глазах

которые от сумерек устали

душа света живая

она охотно слетает
на раскрытую ладонь
на чистый лист бумаги
ее силуэт
очерченный тенью
каждый раз
облегчает мне выбор
между белым и черным

Мысль

Среди привычных мыслей
о тарелке диетического супа
о завтрашней зарплате
о несомненном превосходстве одной из наций
проскальзывает одна
поистине большая

перед сном с наслаждением
ловишь ее за кончик
пробуешь осторожно на вкус
изящество слогов и звуков

утро начинается
с верификации понятий
днем приходишь к радостному выводу
что против истины
ничего не попишешь

и все время тебя
сопровождает удивление
откуда в суетном мире
родилась такая гармоничная мысль

это тебя немного смущает
и даже облекает
метафизической виной

но действительно трагично
только то
что ты не знаешь
что тебе с нею делать

Раскладки

Спрятаться бы от шума
уловить мерцание мысли
выпестовать догадку
перестать любить силлогизмы
ошибочные изначально

ожидание не может не сбыться
на все есть свои раскладки
глупые многословны
поспешные толкут идеи в ступе
бренные умники работают тихо
сидят вечерком на пороге
любуюсь красивым закатом

Только ошибки

Только ошибки
или тяжелые как сны печали
наполняют жизни полый сосуд
холодной влагой
и она для нас как спасенье
без нее вырастают
худосочные души в пороках
как в перьях
и обманчивые свеченья
выбирают себе в светила

Комната

Моя комната пустынный форт
солнце над ним ждет в зените

чего-то веселого
пьянки
осады
разбоя

ничего такого не происходит
дремлет чернильница
как часовой на башне
двигаются стрелки хороня сутки
и только голуби воображения
с шумной дерзостью
взлетают поминутно

Трубы куранты

Трубы куранты
торжественные звуки
до меня долетают
меня не достигают

я в роли рыбы
на тихом дне молчания
в утробе действительности
где не имеют значения марши

шевелю плавниками
качаю конструкцию мира

рыбак наверху собирает снасти
уходит боясь приближения шторма

Дождливое лето

Как подарок
дождливое лето
не потому что смывает следы
о которых жалею

не потому что тянется долго
строкой композитора
из глуши столичному другу
в которой ряд черных знаков
не соответствует звукам

я о дождливом лете тоскую
о деликатесе его молчания
заставляющем повернуться
обросшую тиной
ось сердца

Иртыш

Воскресенье отдых
вожу пальцем по карте
палец утыкается в Иртыш

Иртыш
забытость
синяя змейка
шипенье испуганных птиц

после раздумья
робко в него погружаюсь

считаю секунды
которые мне еще остались
постигаю прелесть
покинутого мира

Иртыш в мгновение ока
дарит азиатскую раскосость

ничего
надо пройти и через это

Визит

Приходят друзья в жилище поэта
где на столе забыта бумага

с единственным словом

друзья на правах друзей
методично
обстукивают клювами квартиру
завешивают перьями все окна
к двери придвигают полевой валун

каравай времени огромен
пока его склюют
пройдет вечность
и слово на бумаге истлеет

Север сырость мягкая натура

Север сырость мягкая натура
острота обретается в тумане
и похожа на тупость

в тусклом солнце тает глина
пригодная для тела человека
но души из нее не слепить
как из холодного полуночного ветра

гибельна почва для таких задумок

душу лепить творцы далеко уезжают

в чистые греческие воды
на сухие римские камни

Охотник

Рушатся основы
пастбища переходят в другие руки
тучные стада
перебегают в чужой лагерь
полюса меняются местами
и люди едут отдыхать на Север

одиноким охотником
причин того не понимает
он по-прежнему слишком занят
молчит и делает дело

в сроки предусмотренные законом
отстреливает самых толстых

Врачевание

Кто соберется врачевать
впавших в уныние
и потерявших главную нить

надежду

может доктор Фауст
вымывает руки и приступит

в свете стерильных звезд
объяснит смысл дистанции
между единением
и одиночеством
а также
опасность снижения
температуры сердца

вскроет память
где большие запасы сил
охраняются тщательнее
чем любые богатства
и укажет причину болезни
которая уменьшает границы неба
а дальше идти уже не надо

доктор Фауст знает
переменчивость живого
прометчивость вмешательства
в молчание и неподвижность

Ссылка

Поэт становится особенно хорош
когда он отбывает в ссылку
и дороги за ним развозит осень

вечерами его никто не беспокоит
по утрам почтальон не стучится
исполняя желание сославших
все забыли записать новый адрес

торопиться никуда не надо
и стихи отстаиваются от мути
жизнь делается прозрачна
время идет
поэт вызревает

Эталон

Все красиво оформленные мысли
это латынь
звон кубков победы
Гораций
это четкие квадраты легионов
эталон

хранящийся в музее весов и мер

приближение к нему
ведет через сумбур желаний
упрощенный хаос
через движение на факел чистоты
достигнув которой
становишься как звездный свет
нереален

освобожденная от скорлупы
идея
в тисках
предписанных извне координат

Воспоминания

Собравшись вместе
мы делимся воспоминаниями
отламываем по кусочку
помогаем друг другу
собрать крошки
кладем под язык
закрываем глаза
и ждем что будет сладко
как когда-то
но хлеб воспоминаний зачерствел

нёбо привыкло совсем к другому яству
и вкус во рту
каждый раз незнакомый

Археология

Кожа лён серебро простейшие знаки
вот что обрушивается на тебя
когда углубляешься в недра истории
ворочаешь тяжелые пласты
очищаешь находки от грязи
наводишь глянец
исправляешь ошибки
делаешь все найденное лучше
чем было вначале
и только потом используешь это
в качестве доказательств

Портрет

Вот портрет римлянина
с пустыми глазами
где когда-то жила жестокость

как он был спокоен

услышав приговор о казни
за то что накануне
подсыпал в пищу проконсулу яд

его не убили сразу
потому что надо было
преподать урок многим
и они его получили

величественно и достойно
смотрелась голова его в блеске меча

Белый камень

Беспощаден жадный огонь печи
в которой колдует алхимик
пробиваясь сквозь аллегории
к чистым понятиям

ровно дышащий жар
поглощает шелуху абстракции
в глубине его можно увидеть
как сквозь красноту углей просвечивает
плод темной и пугающей науки
белый философский камень

В Древнем Риме

В Древнем Риме славно жилось поэтам
они лепили из слов и слюны подпоры
для великих богатых и сильных
и за это ели хорошую пищу
и спали в удобных постелях
случались конечно
покушения войны пожары
но раскаты грома гремели
у других над головами
великие умели быть благодарны
в минуты отдыха
от изнуряющей политики
они вписывали имена стихотворцев
мелким шрифтом рядом со своими
в необъятную книгу истории

Загадка Харона

С берега могучей реки
Харон забрасывает сети

что окажется крепче
тонкая сеть

или воля воды
по которой плывем

от этого зависят
наши судьбы

Опыт

Коридоры дворца знают больше
чем любой его обитатель
коварство поворотов ступеней
теней осторожных шагов
обманчивость пятен света
в проемах узких окон
в которых видны все закаты

поистине нет пределов измене
замене плюса на минус
предпочтения зла добру
наши прадеды были велики
понимали что скрыто под спудом
изящно разыгрывали партии
опаснейшей игры
в причинно-следственные связи

Новгород

Тот Новгород был
северная мудрость

от врага защищались вместе
все вопросы решали на площади
несогласных били и бросали в реку
и никто не знал никаких сомнений

Крепость

Когда поднимается солнце
видна горящая крепость Козельска
как заполненный красной гуашью
цветок на белом листе бумаги

ледяные подступы по кругу
как все непостижимое ослепляют
в счет идут не бесчисленные жертвы
а только ядра порох запасы продуктов

великие дела имеют особенное свойство
уменьшаются
если смотрим на них с перспективы

приобретают непривычный пикантный привкус
когда стремимся понять непонятное
сидя в удобном кресле перед настольной лампой

Река

Большая река выплывает из моря крови
огибает всех
затем подплывает к краю небес
в ней лениво качаются
башни и крыши церквей
точь-в-точь как татарские шапки

Пимен вздрагивает от сравнения
или от холода
всю осень стоящего в келье
откладывает перо
греет дыханием руки

река течет в бесконечность

Эльдорадо

Белые острова
рассыпанные в море

обещают эдемы
добро в чистом виде

мы тоже безоглядно
пробивались сквозь волны
к своему эльдорадо
и наконец достигли

стоим потрясенные
видом пустыни

Новое время

Все великие эпохи отдалились
в мягкой обуви
на цыпочках
чтобы не беспокоить

слабое общество
где властвуют минималисты
часто болеет
не ест предписанного супа
требует только десерт

сладки испытанные приемы
проверенные другими идеи

общество толстеет
и навсегда утрачивает мышцы
накаченные в умственных трудах
и войнах

В долине

Я не буду рассказывать страшных историй
морщить лоб
ссылаться на слова очевидцев

я сойду с высокого холма в долину
где мирно живут тени
заложники одной идеи

они слышат плеск сибирских рек
вдыхают ветер с елей
тучи носят
как нимбы на сгорбленных спинах

а когда темнеет
каждый тщательно позолачивает
светом луны
свое забытое имя

Путешествия эмигранта

Старый эмигрант Головнянский
перестал заниматься делом
и пристрастился ходить
по кругу своих воспоминаний
ранним утром он просыпался
и плыл в Житомир
где чернозем черный и жирный
а в имении все живы и здоровы

встречать его к пролетке
выбегал на ходу стаскивая шапку
ленивый Фома
за свою лень поплатившийся жизнью

дальше шло как обычно
хозяйство обед
за обедом подавали другие слуги

рюмка шартреза
книги Канта в тиши кабинета

если бы это был хотя бы Гегель
можно было избежать
такого поворота событий
но слишком хороша была цепь антиномий

и не хотелось разрушать
ее стройную архитектуру
кончилось тем что мы уже знаем
но Головнянский непоследователен в мыслях

он не хочет думать о том
долго ли имение горело
и пытался ли бежать Фома

он садится в низкое кресло
кладет на столик ноги по-американски
и попыхивая трубкой отмечает
что хорошо бы распродать пчел
потому что в этом году меда
будет и так слишком много

Головнянский чувствует першенье в горле
и внимательно следит за жужжаньем
привычно погружаясь в пепел

Вечерняя прогулка

Свет блуждал в безлюдном и безбрежном
только это не была ни тундра ни пустыня
в матовых озерах шевелились
стаи пилигримов облаков
роща отражала звук полета птиц

тени рисовали свои знаки
в сумерках в траве зазмеилась тропа
вытопанная теми кто отрекся
и не спрашивая повела туда
где ветры выдувают содержимое
из оболочки сердца
где тела исколоты
времени ржавыми штыками
а души мечутся в поисках покоя
по застроенной прямоугольниками почве

В краю дальнем

В краю дальнем
в можжевеловых чащобах
бетонированных сотах
все гордое поникло
без надежды
без пищи
в шеломе понуканий
идет бредет некто
несет ярмо без слова

Сказание о гражданке Смирновой

Вас выдала гражданка Смирнова
сказало лицо
которому нельзя не поверить
не верить гражданке Смирновой
тоже абсолютно невозможно
потому что у гражданки Смирновой
языком правит классовая верность
д л я с п р а в к и
в горах в астрономии и в памяти
существуют провалы
и лицо гражданки Смирновой
теперь тоже в глубоком провале
но не в астрономии
не в памяти
не в горах
и от этого необычайно грустно
по линии потусторонних связей
иногда приходят сообщения
что гражданка Смирнова в преисподней
лизет раскаленную сковородку

Вести

По северным равнинам бродят ветры
несут запоздалые вести

настойчиво шарят по редким кустам

вдоль замерзшей реки

терпеливо роются в хмурых сугробах
но все напрасно

ни один адресат не найдется
все улетели далеко отсюда
на воздушных шарах
последнего вздоха

И приходит осень

И приходит осень
словно суд над живыми
и мы длинной жердью
пытаемся мерить
глубину своего падения

смотрим в небо
ищем пощады солнца
но хмурые овцы повсюду
толпятся по небосклону
и нас наивных и лживых
презрительно не замечают

Пора

Пора возвращаться на родину
из долгих и горемычных скитаний
в тоннелях души
с опасных и темных глубин
посещение которых бесполезно

пора обращаться к прежним
отметинам сделанным руками предков
и узнать всех в зеркалах покоя
и назвать их по именам

пора мысли посылать дальше
чем границы формы и пределы дня
к вместилищу истин
где в стойких панцирях из вечного камня
они ждут нас в терпеливом посвященье

Выбор

Надо всем
очередность событий

в результате свершения фактов

ты оказался неправ
твой вывод был очень хорош
но ошибка заключалась в посылках

что же теперь
терпкий глоток коньяка
успокаивающие жесты друзей
или честь
цианистый калий

но нет только не это

мы выбираем то что современно
кофе покрепче
свежий воздух из форточки
телевизор и газеты после работы

Меланхолия

Серыми дождливыми вечерами
меланхолия заключает город
в кольцо блокады
свежие ветры сюда не проникают
живые но грустные марионетки
ходят по мостам
над замершей стихией
повинуясь движениям кукловода

открывают зонтики
на счет раз-два
переставляют ноги
и машут руками неуголенно
забыв что это не крылья

След

Время лишь прошелестело
а под пальцами уже пепел
и мысль чтобы не сказать слишком много
милосердно прячется в тени
но гонг сердца невозможно успокоить
и вот чувства
бьют в виски словно молот
отрезвляющие как половодье
перемахнувшее через плотину

Угрызения совести

Угрызения совести
это не то что ее редкие укусы

они любят мучать лишь по ночам
когда прожекторы звездного неба

считывают мысли прямо со лба

огородные пугала
они на тяжелых крыльях
свивают гнезда под потолком
поселяются в комнате
и не мешкая начинают работу

сверлят пронзительными голосами
нежный орган слуха
вбивают в спокойную душу
сваи сомнений
а когда устаешь
и становишься на все согласен
берут за руку и ведут
но совсем не туда куда бы тебе хотелось

Вдох

Вдох
по крепкой сетке ребер
пробегают
на кошачьих лапах
проникает
в затаенные уголки
тормошит увядшие мысли
волна крови

схлынув
уносит в дальнее плутанье
каплю космоса
по сумеречным лабиринтам

Ноябрь

Вечерами снова карканье ворон
и тучи хмурые как евреи в Понарах
бредут неспешно к роковому краю

кто-то нас ведет из света в тьму
за руку по длинной сухой дороге
где тишина и свет пожухлых звезд

Действие в настоящем

Как ветер и волна
взаимодействуют в уме простые вещи
а мы стоим у окоема бури и расчлняем опыт
оказалось намного проще буйствовать подспудно
а едкий запах гари над трибунами сегодняшнего дня
пугает хуже чых-то глаз в прицеле
в порывах ветра все горит быстрее чем надо бы
нет времени чтоб взвесить за и против

и выбрать то на чем запечатлелось сомнение весов
вот гулкий воздух лишается опор
в нем все слова летят неукротимо
как шорох пропадаая для любой
грядущей по следам ретроспективы
дурманят лучше чем гашиш или вино
разыгранные с блеском
на контролируемых кем-то площадях
величественно массовые сцены
парад тысячеглазого творенья
успешно фарширует пространство звуками
устав от блеска новоявленных светил
от логики необязательных суждений
сознание отделенное от сути
опять пьет воду из реки невежд

Наши помыслы благородны но слабы

Наши помыслы благородны но слабы
на тонких рахитичных ножках
они доходят лишь до окоема
потом им хочется оглянуться
на авторитеты
чьи грозные лица в портретных рамах
ведают рокировкой понятий
следуют незаметные движения
подпитка витамином памяти

смена дозорных
научный расчет курса
и можно двигаться дальше
одно противоречие неразрешимо
наши флаги краснее чем наша кровь

Уходы

Бедные и гордые
уходят спокойно

остальные любят много
говорить о себе
слишком долго смотреться
в темные воды каналов

петербургское небо
зная эти драмы
над каждым перекрестком
развешивает спасительные
холсты туч
туго пеленает ими души

на местах частых падений
намечает предусмотрительно
сугробы

это помогает

уходить
становится нестрашно

День

День как раскаленная монета
откатившись
зазвенел и утих
но ищешь след его
в мятых страницах
в тоске магистралей
не желая согласиться с тем
что для времени
не существует спецхрана

Газеты

Шрифт в газетах
цвета старого асфальта
газеты шумят
как тучи мошкары
и вонзают тонкие жала
в несчастную жертву

недосягаемы при этом
для кары небесной
справедливости ради
туманы иногда опускают
белые завесы
отрезая газетам
пути отлета
и кто может исчезает
а кто хочет
ищет способы мести

Путь

Еще далеко
надо пройти пустыню
догадливые запаслись водой
скупые тянут скарб и едят ночами
наивные угощают других
солнце регулярно всходит
на свою мучительную службу
а время стоит на месте
и ворует у самых слабых
остатки надежды

«Невозможно договориться с Шивой...»

Невозможно договориться с Шивой
из-за его усмешки
когда вступаешь в состояние сатори
расслабляешь тело
раздвигаешь разум
ждешь когда в тебя вступит
вечность
и дирижер вселенной
взмахнет сухопарой рукой
к сожалению происходит
совсем другое
набегают мысли и стучит сердце
тебя волнует цвет неба
блеск звезд
и предстоящее постижение тайны

Шива усмехается
сдвигает представления о мире
и возвращает к прежним
и вот ты снова маленький и глупый
а он велик
и недоступен догадкам

Праведники

Праведники ступают неслышно
отодвигаются в тень
терпеливы

они наблюдают спокойно
как мы бежим толкаясь
слушают ругань
ничего не отвечают

может принимают такими
как есть
может нас любят

Речь

Послушаем
что скажет верховный жрец
потом отнимем
торжественность мига
отложим божественность авторитета
отбросим
множественность смыслов

останется суть
простая как пальмовый лист
навязчивая
как писк комара на рассвете
маленькая
как кастовый знак на лбу

Решение

Подниму руку и остановлю ее в смятенье
не скажу ничего
и это будет победой
столько слов и мыслей
и ненужных речей витает
что воздух стал плотен
а из прозрачного непроницаем
проглочу слова-убийцы
за белой рекой день синееет
утону в нем спокойно
смутным камнем самоотречения

Страхи

В клубке событий
человека пожирают страхи

он верит самозванным пророкам
и отворачивается от профессионалов
он ждет чего-то плохого

ему говорят
не волнуйся
болезни скоро станут излечимы
наладим прогноз землетрясений
войн больше не будет

а над ним
веет ветер катастрофы
ощущение голода
таится в таких клетках
тьень испуга бежит
по шумящим сосудам

это вещи
которые он не может убить

не достигают его ушей
мелодии этого мира
камертон его слуха
настроен на сигнал тревоги

он сводит лопатки
выдвигает локти
он должен быть осторожен

для того чтобы первый удар
не застигнул его врасплох

С природы

Утро природа загнанная в угол
начинает с медитации
пробует отрешиться от мира
а точнее от себя

туманны ее ощущения
смесь тепла холода
тонких вибраций
света и тьмы

без понимания происходящего
она вступает под блеск дня
позволяя отсечь клинками лучей
комплекс тени

Варианты

Некоторые любят
заглядывать в глаза судьбе

читать ее письма
по ладони
искать силуэт среди звезд
рискуя пробуют
играть с ней в прятки
чем это кончается
общеизвестно
она наказывает
чрезмерно любопытных
заводит безумных
в чудовищные лабиринты
выигрывает тот
кто не имеет страсти
к разоблачениям
не ждет последнего акта
в антракте уходит домой
неволью изменяя
ситуацию в свою пользу

Продвижение

Мы старались быть мудрыми как совы
но мудрость нам нигде не помогала
тогда мы обратились к сердцу
вот плывем доверчиво и быстро
на волне горячей крови
соединяя по пути

берега непониманья

Строка

Никто так не пишет
пером замерзшим дрожащим
в зрячей руке
как мышь по чуткой бумаге
летит строка без цели
на ходу рисуя
отступления от формы
туманные фигуры
силуэты непонятные сегодня
тяжелые от груза медленно зреющего смысла

Перемена погоды

Пожелтели деревья
налетел дождь и ветер
и тишину в моем доме
надолго застихотворило

вчерашние желания и мысли
смяты и брошены в угол
но чтобы их вымести

рука не может оторваться
от плавных строф
оживших надежд

Не услышу

Что напрасно кружишь по свету
вечно его-то ищешь
зря нанизываешь слова
на нитку чувств
это можно услышать
даже сильно заткнув уши
и отвернувшись

но как бы ни сидела с ними близко
как бы ни вглядывалась в губы
никогда от них не услышу
ничего не бойся
иди только вперед
не сворачивай
как это сделали мы

Любовь

Любовь

погремушка моей памяти
запуталась в пространстве
в густой сети событий
она не подплывает к берегу
где все уже обмелело
не исчезает совсем
еще дразнит
быстрым ходом
поворотами
смиреньем
зовет куда-то
к чему-то побуждает
на звонком языке
чужом и совсем непонятном

Город

В долине двух рек
в объятии цепких лесов
красночерепичный город
желает себе славы или смерти

но что здесь может случиться

реки приносят и уносят
зимы и лета
неожиданности тяготы жизни

здесь всегда в избытке
лишь нехватка средств
для исполнения своих фантазий
в ярком утреннем свете
глупые довольные кукушки
вещают ни о чем
считая бездонные годы

никто их не разбудит тумакami

и я в этот город въезжаю
в тряской карете познания

под ногами искрят лениво камни
над головой стыннут священные звезды

пророки ничего не обещают

Лоцманы

Мы ныряем в океаны ночи
чтобы смыть с себя
мишуру дня
и с дна тьмы
приплывают к нам мудрые рыбы
посланцы Рака или Водолея

они блестят впереди
указывают путь
и осторожно
уводят нас от собственных желаний

Несовпадение

Я движусь в неизвестном направлении
говорю в пустоту
когда не хотят меня слушать
часто рву бумаги
и это особенно плохо

документы должны быть в порядке
паспорт прописка
отсутствие знака что состою на учете
у меня все бумаги лгут
чужое лицо на моей фотокарточке
слова не мои
я думаю иначе
и живу в стране
которой на карте нет

«Под лучами ночных созвездий ...»

Памяти А.К.

Под лучами ночных созвездий
только фиолетовые вырастают цветы
только тихие совы кружат
и одни во всей природе
оливы полны тревоги
одиноким тем кто погибает ночью
пригубив от космоса
глоток черного яда
безмолвие их верный спутник
кладет лиловую печать на их уста
и пространство распрямляет холодные ладони
светящиеся светом далеких звезд

«Мои слова давно...»

Мои слова давно
вплетены в чужие гекзаметры
чувства мои увядают
в узкогорлых нездешних сосудах
а мысли
к которым я готова

лепят уже чьи-то руки
из света чернил и бумаги

Аналогия

Точно как у Матисса
краски пьяные
опиумом ночи
перетекают в слова
и впитываются в бумагу
а хоралы моря
будят утром поэта
от серых снов
и ведут к очертаньям
незнакомых островов
где заросли букв
живут полнокровной
неведомой жизнью

Где наш дом

Где наш дом
в тусклом луче луны
в теплом ухе совы

где наш стол
на белой створке норы
на озерной волне

царит
тот что с крыльями
и кого зовут поэтом
над открытым цветком
сердца
и роняет в него
надежды и звуки
в связках слогов

Земледелие

Пожинаю посеянное
посеяно было немного
почва оказывалась неподходящей
не нашлось под руками плуга
не хотелось двигаться с места

теперь я догоняю время

как опытный моряк
выхожу в погоду и в непогоду

бросаю в борозду зерна

каждый день по два раза
за сегодняшний день
и вчерашний

Бельмонт и другие пейзажи

В конце сентября

Стены и улицы
из слюны ласточек
и разноцветных глин

нет ни железа
ни бронзы

это снова эра терракоты

осень слетела с холмов
поджигая своей рыжей кожей
все средневековые постройки

в эру терракоты
Вильнюс жив
жаром шепота
двух сонных рек
и стуком красных кирпичей
на стройке

а еще пожаром неба

на закате
в той стороне
где догорает Европа

«Жаль, что не живу я...»

Жаль, что не живу я
в прекрасной Италии
в теплой Боливии
или воспетой Вестфалии

не пью молоко
от экологически чистых коров
в этнически благополучном государстве
я живу в другом месте
в тусклой точке земного шара
и все время уязвляю свою душу
невыгодным сравнением с другими

у меня по углам гроздь скуки
потолки низки
в помещениях душно

и чтобы совсем не задохнуться
я отсюда часто улетаю

вечерами когда стемнеет

и внимание зевак
поглощают другие интересы
я стартую вытянув шею
и беру курс на Вестфалию

«Много настроено стен и домов...»

Много настроено стен и домов
но для отдыха ищешь колонны
ионически-дорического стиля

могут быть в виде руин
где пустота и брошенность
выжимают пыльные слезы

над руинами священность
чужой памяти
стоит прекрасным облаком

она тебя укроет от жара
котла бурлящего в сердце
защитит от хруста
морозного наста в душе

среди таких колонн живет божество покоя
с глубокими небесными глазами
и дарит убедительные речи

о смерти справедливости и любви

«Там под горой...»

Там под горой
раскинулось двуречье
утиный рай
счастливый муравейник

Месопотамия
куда спешат
из всех окрестных сел

из всех известных руд
здесь добывают
рыхлую руду довольства

природой создан
перепад высот
и бесталанность здесь успешно мирит
уют желаний
и отвагу размышлений

«Перекатились по небу чугунные ядра...»

Перекатились по небу чугунные ядра
из туч вырвался белый огонь
и разметало душ ваших опилки

кто в стогу кто под ольховой веткой
дрожит от страха
или в производственных цехах
прячется за лязг машин

что мне делать

я в одиночку склеиваю
то что разбилось
я терпеливо ищу в темноте

в невнятном шуме и гаме
натужно записываю робкие слова

а потом вы придете
и их повторите

Вильнюсский акцент

Красный костел словно крик
в молчании улиц

он острием распарывает небо
разрушая привычный порядок

это единственный случай когда
сухопарая готика вносит смуту
в сдержанность камня

рвущийся в воздух кирпич
поджигает все чувства

насыщая уставшую веру
светом слепого костра
однажды зажженного от неба

«Деловито как речной трамвайчик...»

Деловито как речной трамвайчик
плывет ко мне сквозь житейские бури
моя подруга

за фарватером черным
далеко от перекрестков
попивая чаек
сядем с ней в укромном месте
нанизывать разговоры
на грубую нить тротуаров
от блестящей самоварной сажи
будем чистить ребра событий
по давно испытанной методе
будем кутаться в бархат понимания

когда стемнеет разойдемся
как и прежде
в разные стороны за тугие горизонты
посылая назад гудки приветствий

Бельмонт

Лучшее время
на тропках Бельмонта
сумерки скрипящие по снегу
печальные как умершая хвоя

в сумерки каждый падеж
четко твердит окончания
а глаголы обретают ясность
и свою действительную силу

чадит внизу смерть жизнь
и усталость завязывает петли
а Бельмонт бесстрастен и тяжел

в сумерках он вырастает выше
чем вершины собственных сосен

под корнями в песке лежит мудрость
и кормит его в голодные годы

Площадь

Камень солнце колонны
но это не Форум Романум

солнце светит вполсилы
средний житель занят
устройством доходов
кровь разбавлена в меру

Кафедральная площадь пуста
у нее нет героев

ее дружба с историей
неудачно завязанная
много раз обрывалась

история всегда ходила
особыми путями

чувствуя себя обманутой
площадь собирает
голоса и звуки
падающих листьев
и мчащихся автомобилей

поглощенная любовью
к чистому искусству
складывает из них
сложную мозаику

и разочарованная
тут же рассыпает

После работы

Мы вымыли руки и сели
вокруг белой скатерти

было в этом что-то
грустное забытое

как будто старый знакомый

шел навстречу
но не узнал тебя

Музы

Музы выбирают из толпы
по странной прихоти

они не замечают тугоухих
крепких телом
занятых полезными трудами

а прилетают к окнам тех
кто не имеет даже веры

садятся на подоконники
склеивают сомнения и усталость

после их отлета
в воздухе тает печаль
и время долго наполнено смыслом

«Следопыт и бродяга...»

Следопыт и бродяга

блуждают по библиотекам
ища совпадения схем

тождества гулкового пульса
с мертвой строкой

безнадзорный мудрец
Гамлет в дешевой одежде
страдает от вечных вопросов

сквозь шелест истлевших страниц
и синие волны курилки
он различает смутные
материки ответов

сухие и исчерпывающие
словно пустыня
где всё еще можно спастись

Снег в апреле

Настоящая сложность
начинается там
где смыкаются кронами
томные каштаны
и дубовая роща Святогора

это подспудный вулкан
аномальная зона

кто не запутался
в ее бликах и тенях
кто не забыл свое настоящее имя
ступив на ее тропинки

там черные грачи
в апрельском снегу
как мысли хасидов
держась строгих правил
ходят по кругу

там люди дерзко строят
башни на песке
пока в свежих сугробах
спит время

Большая улица

Большая улица
молчит в тени церквей
в огнive лет
прячась в туман и неизвестность

там мои сестры бросают

острые взгляды
из-под шляп на витрины
они молчат
об идеале жизни

избранницы потерянного века

брезгливо
они бредут по белой улице
на стройных каблуках

и судят падший мир
по большому счету

Вечерний дождь на Пушкиновке

Дождь
вечная вода
как в древних акведуках
смывает пыль
которой занесены предметы

тосклив их новый лик

блистает все
что не должно блеснуть

что благополучно
скрывалось под привычным
пухом и песком

границы стали резкими

и с черной графикой
не может справиться
ни мягкий сумрак
ни ясный свет
из окон Пушкиновки

У городской стены

Мои прогулки по улицам
кончаются тем
что упираюсь в городскую стену

огибая новые преграды
совершаем старые ошибки
а стена учит терпению

не уходят тяжелые лбы
кожей ощутив ее прохладу
в сон древних пирамид

авторы построек на века

зная слишком много
ограничились кирпичными мостами
через время

а ведь могли построить другой мир
создать лучшую землю
и новое небо

Детство

Долгое смотрение в небо
с чистого льда на катке
оставляет следы на всю жизнь

будто в тронный зал
входит мороз
в Сад Молодежи
обнажая во всем тайный смысл
неприступный
как ледяные фигуры

веселые звуки
руководят жизнью
и юное *Ego*
еще не ведая своих особых прав
с улыбкой растворяется
в гуще событий под звон коньков

Оттепель

Вновь каплет с крыши
и мысль тонкой струйкой
едва сочится
грозя оборваться

робкие связки посылок
и кропотливое
строительство вывода
такова ее нелегкая работа

лавины сходят с крыш
мешая скольжению
сердца в простор
чистых понятий

сложные абстракции
путаются на привязи
будничных представлений

для достижения цели
нужен сибирский мороз
звездное небо кантианцев
и скрип под ногами в ночи
субстрата зимы

Зал барокко

За приземистыми стенами
смиранные монахи
рвали страждущим зубы
а теперь вместо
просьб о помощи
звучит размеренный Бах

в известку стен
бьют словно в бубен
созревшие каштаны с деревьев
скрупулезно отмеряя время
и даря нам его частицу
как облатку

«Я прихожу на тот берег...»

Я прихожу на тот берег
где на волшебной свирели
начинает играть моя память

здравствуй бывший сосед
хромая

ты уходишь все дальше и дальше

может быть

давно не живешь

а лежишь на тихом

Бернардинском островке

за триумфальной аркой входа

не могу понять

чего ищу

ответ старой дружбы

погибшей от скуки

или бездонный колодец иллюзий

засыпанный хорошими людьми

стаи глупых птиц зовут в полет

не замечая

что на мне всё те же путы

странная тоска по собственной тени

комплекс Заречья

«В ясный зимний день...»

В ясный зимний день

небо надо мной темнело

сгущалось

приглашало вступить вглубь
где мерещились
большие черные кристаллы
опора вселенной

поиск оных в душе
ни к чему не привел
и выбил почву для покоя

мой покой колеблем
даже ветром звезд
а не то что
вдохами и выдохами спящих

ведь густая колючая синь
почти касается кожи

В трамвае

Ориентирован
на раннее вставанье
и переезды громоздким трамваем
от следствия до причины
творимых явлений
тихий путник
желающий быть с краю событий
вершит путь по родному краю

пересекая в день несколько улиц
от дома до конторы и обратно

скромный путник дивно разнолик
в душе он бомж адъютант генерала и герцога
а в частной жизни
просто сидит на скамье
поджимая ноги
чтобы не отдавили

трамвай многозначительно гремит
словно настоящий бронепоезд
и путник гордый выбором пути
достойно качается в окнах

Тракай

Срез времени
кусочек препарированного археологами
пространства

манит в таинственно притихший замок
на острове
давно изъятом из употребления

меж княжеских портретов
и древних рыцарей

вьет паутину золотой паук
и лениво влачится по залам
скука
то есть вечность

Башня

Эта башня нависла над городом
как укор

слишком много пожаров
пришло снизу
слишком страшные битвы
перемена флагов
примериванье вер
из которых к лицу
оказалась
самая простая
и с той поры
костры
дубовые листья
ватаги чертей
крадутся по улицам
дразня небесный порядок
и рождая споры

только темная башня

из прошлых веков
видя страсти
справа и слева
безразлична
к историческим нюансам

молчит над бурей событий
цитаделью здравого смысла

На набережной

На набережной Вилии
светло от постаревших листьев

они пережили тяжелое лето
и чтобы спастись
оделись в цвет измены

эти листья захватили город

на улицах желтый туман
и добровольные отказники
от собственной сути
в нем канут бесследно

Точка отсчета

Через тихие воды потерь
и гудящие трубы из меди
через километры надежд
туда где солнце лежит на боку
за песчаным Бельмонтом
спешу к точке отсчета

с нее все начиналось

я по ней измеряю континенты
своим тайным масштабом
к ее сизому небу
провожу параллели

как усталый контрабандист
возвращаюсь к ней
с грузом сокровищ

Гнеть-Ю

На гладком озере Гнеть-Ю
нам открылось строение мира

оно было ясным
потому что пурги отошли
за высокомерно глядящие горы

оно имело форму пирамиды
вид непререкаемый

озеро Гнеть-Ю свивалось в смерчи
билось подо льдом от возмущения
мы же пришли к согласию

грея дыханием руки
вместе поворачивали
холодный предмет на свету
обмеривали грани
говорили негромко и веско
потому что итог был решен
утилитарные проблемы
волнующие все живое
незаметно завеяло рядом
в полярных снегах

Пастораль

Коровы устроительницы жизни
бродят по мокрому лугу
оставляя вмятые копытца

из которых можно напиться

привычно не любят пришельцев
щиплют травку трудолюбиво
спускаясь с горы Арарат
прямиком в зеленые посевы
на гребне исторического пепла

коровы связные времен
бодают рогами ненужные им древостой
и видят в снах одну лишь Индию
где смятенные автомобили
расступаются перед задумчивым стадом

На базаре

Хожу вдоль пестрых рядов
где чадно горят
горы фруктов ботинок колбас
и прочих заморских товаров

молодые огнепоклонники
хитро колдуют
над призрачными весами
увертливыми кошельками

раздувают пламя азарта

вытирают раскрасневшиеся лица

у подножия очередного бога
радостно приносят себя в жертву

Буквы

Красивая буква
а к ней еще одна буква

это каллиграфия
вершина упоения

как быстро она смягчает душу
черствую как корка старого батона
гордую в глупости

буква возвращает
в стадо послушных
а значит счастливых

писать буквы
то же самое что искать путь

писать буквы
то же самое что жить

Полицейская ода

О вездесущая полиция
в зеленых куртках
среди листьев
совершенно невидима

отвечает резко в телефон
спасайтесь сами

полиция стоит на непростых дорогах
в строгих неподкупных патрулях

полиция ведет лицом к лицу
бой с вооруженным элементом

а также в толстых бухгалтерских книгах
хранит учет выстрелов и жертв
в числе иных забот
полиция докладывает
за облака на высоты

задание выполнено
или
готовы приступить

в радио треск

и голубые огни с громкой музыкой
на мгновение вежливо тушат
чтобы услышать важный ответ

«Вне и внутри застыла статика...»

Вне и внутри застыла статика
состояние тяжелое
как зимняя вода

в каждом желании
намек или жесте
бесстрастная бледность зеркал
позволяющая только отражаться

сложный объект
изнывший от противоречий
пишет углем на стене
хоть бы пришел аниматор

Лук

Режу лук
потому что хочу поплакать вволю

чтобы неостановимые слезы
по сухому лицу в три ручья

о чудодейственные
серебряные кольца
в тусклом мирке
слеplенном из слюны
говорливых вождей
только яростная гордость
спасает от гнусной привычки
соглашаться

прозрачна жидкость на щеках
подруга крови
потому что так же настояща

живые кольца всё режу и режу

моя новая душа благодарна

Ухо

Совершенное ухо
даже пение тетивы лука
слышит иначе
и полет ядовитой стрелы
почти как полет шмеля

исполняемый на тонком инструменте

оно не хочет огорчаться
и упорно шифрует
звуки выстрелов
и надрывные крики
на угрожающих нотах
в сладкопевный
язык гармонии

Богема

Из пресной заводи
из ежедневной забубенности
влечет к отшельникам оригиналам
раскладывающим кисти
расставляющим инструменты
несмотря на намеки небес

они ничего не боятся
скверный климат
или дурные законы
не указ

богема ни поза ни схи́ма

в кричащих нарядах

несет свою долю
через все скандальные барьеры
на странном пути

Штиль и дрейф

Ласков шелест слова
но лучше
пульс сердца и волн
изысканный способ беседы

дуновение ветра неточно
как и шквал меднозвонных фраз
сметает и путает
и затемняет горизонт

штиль и дрейф рождают догадку
в буром дереве кия и бушприта

опавший парус означает слух
молчание поиск слабых звуков

всё это шорох земных
тонких материй

«Это зулусы подходили уходили...»

Это зулусы подходили уходили
когда в окнах темнело рассветало

это мавры окружали тихий город
когда зной плыл лавой прямо с неба

это черные угли костров
светили в спины
уходящим от пожарищ

казалось что они спасутся от беды
за чужими частоколами
за толстыми стенами башен

но память мозаика ничтожных эпизодов
стреляет без промаха
белыми ядрами боли

«В речке Шане Калужской губернии...»

В речке Шане Калужской губернии
в завершение громкого спора
утонули вопрос частной собственности

с национальным вопросом

над Шаней воздух необычно чист
и звезды близки и доступны
вследствие отсутствия коллизий

сквозь щели деревянного моста
я вглядываюсь в черную воду
она непроглядна

тот кто любит страдать
приезжайте нырять в речку Шаню
ударяться о жесткий каркас
лежащих на дне аргументов

«Дует ветер с Полотняного Завода...»

Дует ветер с Полотняного Завода
от этого кожа
загорает в два раза быстрее

тот автобус
что возит меня вокруг света
поднимает тучи пыли
словно тучи гнева

дорога идет под уклон

как всё в этой жизни

глядя сквозь пыль
тихая Наталья Гончарова
терпеливо ждет на остановке

ее ноги сильно загорели
от долгих прогулок по перевалу столетий

Малошуйка

В дебрях сердца точка
Малошуйка

это больше чем Кремль
Вашингтон
и вместе взятые Сахара с Ниагарой

Малошуйка царица тайги
венчает душу светом
первобытного богатства

впускает грешника
под царственные своды
рубить чеканный лес
класть шпалы
чтоб серебряные рыбы костылей

засверкали в русле старых рельсов

Малошуйка невесомая от пьянства
вдыхая хвою пробует измерить
красоту и справедливость мира
и смеясь объявляет итог

слишком сильно качает
земля сорвалась с якорей
и поэтому весам нет веры

Чаепитие

Чайные ложки
звенят о стенки фарфоровых чашек

как будто в южных морях
отбивают склянки

закат кружит голову
в теплый час на зеленых водах

предмет политики
нечаянно задетый
нарушает общее блаженство

это тропический шторм

может быть чай был плохо заварен
сдвигая тонкие брови
думает гейша

Письма

письма тупые бурильщики скважин
в толще времени
обманщики пространства
снуют туда-сюда
тянут призрачный невод
плоский шлейф
с черными вспышками жалоб
и скользкой слюдой иллюзий
на помощь каждому
простой прямоугольник
плывет над глубиной стереотипа
в тине рассудка
судит ссуживает и удит
толстых рыб надежды

«Немного понимания...»

Немного понимания

в общем молчании или
в сидении рядом
во встрече и в неузнавании

лицо плывет в ночи
и гинет в полдне

я протягиваю руку
втайне надеясь на тепло
но сейчас осень

предметы светят но не греют
это преамбула смысла

между всеми нами
ветер точит
норвежские хмурые фиорды

лицо плывет в ночи
и гинет в полдне

«Предпочитаю растительность...»

Предпочитаю растительность
прочим живым существам
что свои крики ввинчивают в уши
предпочитаю безразличные ирисы

что блекнут на солнце
или танцующие ветви
общеизвестной ивы

но та ива
вам неизвестна

у нее кора шершава как иней
на зимнем окне
ее голос похож на то
о чем сильно тоскую

моя ива у мелкой реки
плывущей сквозь поле
чертит мне портрет водораздела
комментирует зеркальность
закон Бойля-Мариотта
и разные физические свойства

я вооружаюсь всем добытым
и прячу за пазуху итоги созерцаний

пусть блестят мне во сне

«Жизнь расписана...»

Жизнь расписана

на бытовую тему
радуги звезды рассветы
оставлены слабым
нуждающимся
в укреплении духа
здоровые обрубки
перенесшие без боли
ампутацию крыльев
точные как часы
их верный ход
испугает
нерешительных и чистых
остальных поведет за собой

«Ни к чему возвращаться...»

Ни к чему возвращаться
в город из которого вырос

там бодрствуют загадочные башни
построенные для игры не для войны

там улицы подобно лабиринтам
уводят от цели

там звучат одни и те же разговоры
суть которых грустно экзистенциальна

в этом городе
с несовершеннолетним небом
светит белый прожектор вечности
освещает путь в никуда

«Затягивает мглой и облаками...»

Затягивает мглой и облаками
ясные вещи
такие как чистое небо
моральный кодекс
трезвое видение цели
метеорологи в один голос утверждают
что так и надо
сначала ясно а потом темно и дождь

против дождей никто не возражает
выставляют бочки и кастрюли
для сбора мягкой воды

Время мелочей

Перемена

Закрылась зима
вселенская ясность
сгустились темные сны

захлопнулась крышка
ледяной шкатулки
с графикой смерти

величественные линии
выдержанные в простоте
положенное время
обросли деталями
мелких красот

в глубине пейзажа
проявились
непонятные движения

но срывать у времени
незрелые догадки
занятие для безрассудных

лучше спокойно лоб опустить
и ждать

Время мелочей

Чувствую что устаю
перехожу на низкие орбиты

часами лежу на диване
пружины впиваются в бок
на столе замшелость

не чищу конюшен
не насыпаю гору
в горсти нахожу
непрерменно какой-то пустяк
то ключ
то обрывок письма
булавку

никаких возвышенных предметов
потому что это время мелочей

Тишина

После бурь
посещает нас тишина
приплывая специально
из Датского королевства

облачком белым как снег
она заполняет
пустые руки и рты
а мир вокруг делает объемным

понукает
настойчиво толкает
в мягкие спины

кто недогадлив
спрашивает
а что дальше

если бы за руку
привели и сказали
вот

но это магия
движение глазами
неясные жесты плечом

МОЛЧ

надо самому догадаться
в эпилоге
воздух темнеет
и ленивые спать ложатся

облако похожее
на профиль принца
с презрением удаляется
на север

«Давайте я вам все это взорву...»

Давайте я вам все это взорву
ведь вы недовольны

взорву ваш дом
он вам не нравится
ваш крепкий счет в банке
вы говорите что он слишком мал
вашу верную любовь
с ней порой бывает так скучно
вашу подлость
о ней вы всегда жалеете
вашу красоту
ее все равно никто не замечает

вашу низость
о ней в конце концов узнают все
и ваше величие тоже
его еще нет но вы бы хотели иметь

это даст вам ряд преимуществ
чистоту
прелесть tabula rasa
радость отсчета с нуля
то есть начало жизни

но вы воротите морду

давайте
взорвите меня

Путешественник

Старый сапожник сидит на кровати
и чинит обувь
другому всё давно бы надоело
другой бы убежал на все четыре
неведомых влекущих стороны
искать лучшей доли
а этот с гвоздями в зубах
не думает о мире
не поднимает глаз

и молотком мягко стучит по коже
пахнувшей потом степей
в этой крепости на третьем этаже
монолитного дома
все приметы дальних путешествий
столько стоптанных башмаков
не имел ни один странник
на свете
сапожник это знает
отпивает укрепляющую жидкость из стакана
и с головой мгновенно полегчавшей
пускается в путь за ловким молоточком
оставляя за собой бисер следов

«Под ногтями земля...»

Под ногтями земля
а под кожей душа

и дни лишь постоят за горизонтом
и вновь возвращаются
даря труды как милость

конь и человек нагружают
и везут свою добычу с поля
не ища в том смысл и не ропща

смысла ищут те
кто дерево с изгибом
кто красиво поющая птица
кто ветерок поднимающий рябь

Мост

Мост выгнулся в дугу
и спаянным хребтом
улавливает все вибрации
кроме самых тонких

тонкие доступны лишь тому
кто вечером в печальном одиночестве
перегнувшись через перила
пристально смотрит на реку

«Настало время наивных лиц...»

Настало время наивных лиц
и зеленых пастбищ
поэтому да здравствуют бараны

бараны в золотых дужках за ушами
бараны на нежных газетных рисунках

не спрашивай кто блеет в темноте
кто бубнит нам свои особенные песни

с высоких холмов они собираются
в маленький круг
сбиваются в кучу
где теплее и не угрожает опасность

там они лелеют свою шерсть
за которой не пришел пока пастух

пастух забывший свою дорогу
пастух которого увели собаки
в другую сторону не вовремя
на ночь глядя

Патруль

По дороге ехал патруль
и подорвался на мине

далеко в деревне
за желтыми подсолнухами
слышали взрыв

а кто-то случайно увидел

подняв голову над стогом сена
четыре уходящих в небо тени

кто это
подумал он
ища в голубизне

и спокойно решил
наверно ангелы

Брат

Сыпучий песок и обветренный камень
пустыня
в которой жалобно кричу

где ты брат мой

если бы только рука
добрый взгляд
или короткое слово
живое и теплое
как земля

но в пустыне лишь ветер

кочевники заняты

блужданием в песках
и подсчетом барышей
с последнего базара

косят ленивыми глазами
и достойно движутся по гребню бархана

кричи

черт с тобой брат

Друзья и враги

У меня мало друзей
перечислить можно по пальцам

зато много врагов
сразу всех назвать невозможно

самый лучший друг
дальше всех
и я его не знаю

самый страшный враг
чересчур близко

хрипло дышит

где-то внутри горла

«В гуще полыни...»

В гуще полыни
ветер небрежно играет на стеблях
как сорванных струнах

воздух чаша горечи
которую следует выпить

режет хрустальным клинком
нежное горло
но зачем так сильно ощущать
жестокость
касание природы
может лучше камнем молчать под луной
видеть слышать знать
все понимать
не страдая

День рождения

Ждешь дня рождения
чтобы наконец родиться

сладок шум поздравлений
радостно обилие подарков

чтобы от всего отдохнуть
вечером выйдешь в сад

под светом звезд
задумаешься

может уже свершилось

быстро начнешь проверять
наличие сердца
души

к сожалению
всё в старой упаковке

но нельзя спокойно разобраться
потому что гости
дружно кричат
где именинник

и рождение откладывается
до следующего раза

Санитары

После гулких раскатов последнего грома
придут санитары
подставят ладони
собирая боль

души готовые к отлету
примут их белые накидки
за крылья ангелов
и начнут поверять
свои жалкие тайны

санитары напрягут все силы
унесут свидетелей событий
в другое место

где электричество
не огонь

где тишина
не смерть

а время
тоже в марлевой повязке
пытается влить микстуру согласия
в мертвое тело

«Мысли всегда наказуемы...»

Мысли всегда наказуемы
когда ни на чьи не похожи

говорят твои учителя
желающие лишь добра

у них умные книги с рецептами
от таких болезней как гордость
сложные гремучие смеси
из крысиного яда и крокодиловых слез

трудно такое не пить

пьяный от случайных заблуждений
идешь по зарослям здравого смысла
который прорастает сквозь гранит

Учитель

Э. Матулявичюсу

Мой учитель физкультуры

молодой энергичный литовец
требовал дисциплины
и давал смешные задания
например «кувырок вперед с разбега»

мы спешили вернуться назад из холодного зала
в тесный класс
где согласно исторических свидетельств
в незапятнанное черной смутой время
жил Дзержинский
про которого учителя говорили чекист
а родители называли палач

может быть на месте моей парты
стояла его кровать

и вместо того чтобы слушать как я уроки
он повторял волнующие имена
Тиберий
Нерон
ли Муций Сцевола
ведь что-то его вдохновляло

в прошлом году на улице Барбары Радвилайте
я встретила учителя
и хотела спросить
что он думает после стольких лет о Дзержинском

но прямой и прыгучий как прежде

он пролетел словно теплый ветер
не заметив моих приготовлений

я осталась стоять и думать
о роли случая в судьбе
и не успела даже крикнуть вдогонку
что ставя двойки он был тысячу раз прав
и в моей жизни все решает
только дисциплина
и сильный кувырок вперед с разбега

По эту сторону

По эту сторону взгляда
я одна

остальные запутались
в средствах навигации
под легкими веками
бьются в тине сомнений

долго дрейфую по бесконечным полям
плывущим кучевыми островами
в раструб заката

посылаю без усталости SOS
а также звуки

для проверки слуха

с той стороны ответов не бывает
там большая забота о сне и хлебе насущном
вытеснила остатки здравого смысла

недосуг расшифровывать знаки

Сад

Грация в этом саду это кошка
подсолнух пытливость в чистом виде
счастлива коза
роза сложна
лепестками заносит дорогу
ее белый дым

и вступаю как в небо полночь
как старый визирь в свой золоченый Багдад
в сад
где голоса наиболее способных
вечно поют нежное «ми»

вхожу чтобы только сказать им
доброе утро
или добрый вечер
в зависимости от времени души

чтобы сложить дары покоя
и увидеть силуэты согласия

разве этого мало

АЛКОГОЛИКИ

Надломленный взгляд
слепой что ли
ухо красивое
тугое
вряд ли слышит

кто смотрит в их лица
спешит скорей отвернуться

быстро пройти мимо
не запомнить
как отчаяние водит их руками
в ночные часы
созревают их урожаи
исчезает пора долгих буден

наливают полные стаканы
заливают черные пожары

«У обреченных внутри тишина ожидания...»

У обреченных внутри тишина ожидания
слова для них ничего не решают
одни ладони еще могут задержать
скользящую нить
завязать слепой узелок

самозабвенно строят нежные пальцы
храмы в пустынях больших больничных палат
уставших от зноя

все знают
время истекает
и слова зайдут за горизонты
и любые строения
исчезнут в мягких песках

Сон

Отдаленное гиблое место
болото
Вьетнам или Лаос

монотонность широкой реки
пустота берега
глаза в ожидании вечера
пустота глаз

безветренно тихо
и я на берегу ем рис
созерцаю спокойные воды
не желая замечать водовороты

но прямо перед носом
переменчивость воды
она стоит в глазах
каждый миг другая
это можно проверить рукой

под ногой хлопает вздох
такова пресыщенность берега жизнью
ею переполнено пространство
оно молча кричит молчит крича

Вьетнам после войны
или Лаос накануне

Офицерское

Воспевайте мужество и доблесть

важные как гуси офицеры
с уверенностью родом
из лаборатории министерства обороны
повторяют непонятные слова

офицеры по четкой команде
кричат га-га-га
радостно становятся под флаги
и смотрят только вперед

там впереди их ожидает слава
громкие слова и блеск наград

трубит трубач
и ноги просят в бой
вперед
за бритой шеей командира

офицеры любители каши
готовы жизнь положить
смотря по обстановке
либо
верные полученной шифровке
сдаться без боя

Ночью

Воры выйдут из укрытий
когда совсем стемнеет
когда попрячутся звезды
а честные стражи порядка
лягут спать

звякнет заслонка луны
скроет лица
электросети выключат
все остальное
спящие послушно вступят
во вторую фазу сна

согласованность у всех
порядок

одна компания

Цок

Цок
процокает конь
несведующий в тонкостях жизни

острый каблучок
все повторит
цокая громко в толпе

остальные же мягко ступают
на толстых спасительных подошвах
для них не цокнет курок
уча впредь не цокать

Птицелов

Качается тень птицелова
в веселых и непроходимых лесах
он любит темные ходы и тупики
и путает следы

он крадется с сачками силками
за слабой добычей
меняет лицо
говорит чужими голосами

он дивный рукодельник
плетет ажурную сеть
в глубокой холодной тени
где отдыхает уставший грибник
и любая безумная мысль
становится послушной

мучительно громко шурша
он умело приближается к цели

отличник тайных наук
тревожный
он не один

много птицеловов на свете

Колоратура

Колоритная колоратура кола и забора
макроцимбалы
инструмент неленивых прохожих
утоляет жажду гармонии

кол и забор
правда этой минуты
точный звук жизни
полной ударов

ходя вдоль заборов
всегда найдешь средство
для возврата в реальность

Шутка

Я пошутила
и все покатались от смеха

неожиданно
быстро
по гулкому полу
по темной лестнице
по теплому от солнца тротуару

Двадцать первое

Двадцать первое
вечер
суббота
все часы считают для меня
вспышки мгновений
надежность и точность
настоящий Цюрих
все слова имеют истинную цену
с достоинством кивают
согласны заключить со мной контракт

но меня занимает иное искусство

склеивание осколков
просеивание воспоминаний
терпеливо сижу с удочкой в руке
над вязкой трясиной беспамятства

ночной герб всплывает
чеканя свой медный профиль прямо в окне
слишком яркий пустой свет

встану его занавешу

Равель

Издалека
будто орды монголо-татар
зловещие звуки

стаи грехов сели рядом
искусительное воронье
по спине трудолюбиво поползли
мурашки страха

тут же мелькнула улыбка
выгнала остатки опасений

право чего бояться

умер шум машин за окном
за стеной смущенно замолчали соседи

красота побеждает всех

осталось стаккато дождя
свет теплый рубин
это Равель

очищение жизни
в миг полного счастья

Боец каратэ

Любые враги побегут
завидев его силуэт

боец каратэ упрощен
как экзотический японский интерьер

хитрость легкость
изворотливость бонзая
вот то
чем владеет каратист
он поклоняется богу
живущему в недрах горы Фудзияма
хотя и ничего о нем не знает

он молится мышцам
точному удару
который пробивает
окно в бездну

Самолеты

Вот-вот самолеты сядут на луга
и станет тихо

сатанея в шуме
они долго бомбили
бедные головы
неспособные справляться
с умственной работой

не надо их больше бояться

самолеты сели на луга
и больше не взлетят

кругом туман

Вступление в зиму

Бесконечные обозы осени прошли
по дождям и туманам
по дням золотым от листопада
раскисшим от грязи

скитальцы в тряской карете
очарованные ликами пейзажей
сами не заметили
что все плохое уже одолели

дальше розовый кокон зимней авроры
встающей из океанов снега
дальше безопасная ровная поездка
по умиротворенным дорогам

а в конце хриплый голос объявит всей деревне
что привезли каких-то декабристов

но при чем здесь декабрь
никто не поймет
что это
цирк или бродячий зверинец

прикованных цепью
полузамерзших

тихих как тати
может сумасшедших

на вечное поселение
так они пожелали
на вечной мерзлоте
так они заслужили

Голландский пейзаж

Покой и безмятежная расслабленность
это портреты мельниц и каналов
в туманной дымке как в линзе

это речь неторопливая
состоящая из постулатов
и простых изящных аксиом

люди говорят негромко
и прихотям умело потакают

ходят слухи
что скоро здесь наступит рай

с повсеместной гармонией
не согласен только еврей
шлифующий вздорные стекла

кажется его зовут Спиноза

в тени проходящих эпох
вызывая припадки раздумий
этот тип своим хобби
подрывает устои покоя

ветер бунта летит над водой

во избежание бед
строятся дамбы
и предусмотрительно укрепляются берега

Перпетуум мобиле

Коню надо поестъ
подковать уязвимые копыта
коня надо препроводить на дорогу
дать первый толчок
и готов перпетуум мобиле

чалый едет до мерцания в глазах
и пусть хозяин кричит
уже приехали стой
перпетуум ржет

«Жирный обед в готическом городе...»

Жирный обед в готическом городе
где мысли из-под глыбы лба
чуть пробиваются
где поклоняются старым деревьям
вопреки новой вере жгут костры
где терпеливо ждут когда огонь потухнет
и торжествуя выгребут из пепла
головешки прошлого

«Хрупкая цепь сугробов и выюг...»

Хрупкая цепь сугробов и выюг
хранилась плохо
и потому перешла в состояние
воска с размякшей свечи

ушла отвага
сердце стало нежным
как пух ольхи

что с таким сердцем можно совершить
только глупости и добрые дела
то есть смешить окружение

змеи уползли в пещеры
спрятались в тучи орлы
храбрости больше нет

где звон морозов и льдов
громкий голос

где решительность
с которой затаптывалось
каждое утро все
что происходило накануне
и жизнь ковалась как сталь

Закономерность

Распростерлась крона сомнения
крылья совы шумят не о любви

кто обожатель света
живущего на вершинах
не устает штурмовать вертикали
забывая их сосчитать
потому что он вдохновлен

я проникаю в темные глубины
где хранится молчание

там нет свиста ветра
в ушах боль от медленного погружения
исчезает все что мешало

когда приближаюсь к намеченной точке
апогею горизонту зениту
исполнению мечты
в усталые зрачки ненавязчиво светит
ядовитый цвет флагов на чужих высотах

Общение

Меряем друг друга взглядом
два интеллигентных существа

разговоры излишни
когда есть тонкость интуиции
а также культура вида

мы равны в том
что каждый серьезно делает свое дело
но никто не скажет что похожи

вечером сидим напротив
следим друг за другом

я у стола

муха передо мной на стене

Колокола

Давно убитые колокола Борис и Глеб
напоминают чугунным голосом
дремучим гулом
о забытом и потерянном
о том что еще не окрепло

звон проникает в твое ранимое детство
в тонкий зеленый стебелек
и что-то будит

будит будоражит
несет какую-то правду

кто близко стоит
у того страдают перепонки
кто подальше
у того страдает душа

«Ты хорошо потрудился...»

Ты хорошо потрудился

и вот тебе хлебы
еще хорошо потрудился
хлебы тебе снова

но вот ты потрудился хорошо
и ничего тебе
кроме спокойного вида
земли и неба

почему твой сон тяжел

потому что завтра снова труд
или потому что безмятежны
земля и небо

«Вот славный гегемон...»

Вот славный гегемон
он гедонист
а вот аристократ аскет
что чистит ногти
и водки в рот не берет

аристократ с плутократом
и гегемон (всего лишь
с гормоном адреналином)
устремлены туда

где льется розовый свет

цвет роз блестит
на плодородном небе

каждый ребенок знает
что там нет грусти

и гедонист с аскетом
чадной думы не оставляют
поворачивают оглобли
к бутону бледного утра

Цапля

Белая
тихая цапля
склонив голову набок
примеряет перчатки
в ее тонком горле
вздохи удивления
молчат
мягко дышат
желания
перчатки впору
она платит в кассу
и тихо шуршит веерами крыльев

сложенных сбоку
ее увлекает толпа
перед ней открываются двери
сейчас вверху оглушительно хлопнут
ее снежные перья

Провинциальная идиллия

Пусто кисло
а в столице жизнь кипит
и разъезжаются с пышных раутов
в блестящих и просторных лимузинах

тихо серо
из главных событий после обеда
триумфальное шествие коров
в ореоле солнечной пыли

помойся под рукомойником
чистый и безгрешный
садись хлебать ложкой щи

вот и идиллия
данная нам
неразумным

Рисунок

Образ простоты рисую в пространстве
вот мой дом
рядом речка детства
а это я

дальше образ хочет усложниться
появляются стрелки
например вектор желаний

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.